

АРТУРО ПЕРЕС-РЕВЕРТЕ

Завораживающая
территория пороха,
адреналина,
тестостерона,
крови и текилы.

El País

РЕВОЛЮЦИЯ

18+

Большой роман (Аттикус)

Арту́ро Перес-Реверте
Революция

«Азбука-Аттикус»

2022

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44

Перес-Реверте А.

Революция / А. Перес-Реверте — «Азбука-Аттикус»,
2022 — (Большой роман (Аттикус))

ISBN 978-5-389-23756-8

«Это история о человеке, о революции и о сокровище...» Революция начнется в Мексике в 1911 году, когда страна сбросит коррумпированного диктатора и попытается построить себя заново. Сокровище — пятнадцать тысяч золотых монет — будет экспроприировано на нужды революции из банковского сейфа и затем исчезнет без следа. А человек, молодой горный инженер Мартин Гаррет Ортис, ввяжется в революционные дела сначала от скуки и любопытства, а затем по зову души. Революция свершится, хотя победителями выйдут вовсе не те, кто проливал за нее кровь, — и даже не те, кто в нее верил. Сокровище рано или поздно найдется. А человек на собственной шкуре узнает восторг битвы и животный страх, трепетную любовь и циничное предательство, зверство и великодушие, отчаяние и азарт — он повзрослеет и поймет, что такое честь, что такое смерть и что такое разочарование. Артуро Перес-Реверте — бывший военный журналист, прославленный автор блестящих исторических, военных, приключенческих романов, переведенных на сорок языков, создатель цикла о капитане Диего Алатристе, обладатель престижнейших литературных наград. Его «Революция» — грандиозный приключенческий эпик, история души, потерявшей невинность в романтическом порыве, и личного героизма, неизбежно исходящего на кровавое месиво бойни во имя высоких целей. Впервые на русском!

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44

ISBN 978-5-389-23756-8

© Перес-Реверте А., 2022

© Азбука-Аттикус, 2022

Содержание

1	10
2	23
3	39
4	54
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Артуро Перес-Реверте Революция

Arturo Pérez-Reverte

REVOLUCION

Copyright © 2022 by Arturo Pérez-Reverte

All rights reserved

БОЛЬШОЙ РОМАН

Перевод с испанского Александра Богдановского

Оформление обложки Егора Саламашенко

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© А. С. Богдановский, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Иностранка®

* * *

Пресса об Артуро Пересе-Реверте и «Революции»

Перес-Реверте – отчасти Индиана Джонс: его репортажи и анекдоты касаются величайших сюжетов нашей цивилизации, и на них же он строит свои истории, порой вымышленные, но всегда правдивые. «Революция» – повесть о насилии и о том, как насилие проходит сквозь нас, как оно преобразует нас, как мы относимся к нему и как оно подталкивает нас к поступкам и решениям. Здесь есть катарсис, но также есть взросление, странствие... в этот захватывающий роман мы погружаемся с головой.

El Quinto Libro

Этот стремительный поток событий, хрупкость жизни отдельного человека в бурные исторические времена – наследие великих западных приключенческих романов, а также военных репортажей самого Переса-Реверте.

El País

Этот роман погружает нас глубоко в сферу приключений, но также и в сферу ценностей, где привычные нам представления о добре и зле бледнеют, а разделяющие их границы размываются. Головокружительная книга.

El Debate

Все романы Артуро Переса-Реверте взаимосвязаны и складываются в систему, которую классические авторы называли стилем, а современные – миром.

ABC Cultural

В нынешней испанской литературе едва ли найдется много таких заслуженных рок-звезд, как Артуро Перес-Реверте. Его нынешний творческий этап поражает воображение. «Революция» – мощнейший роман, история инициации молодого человека в бурные времена, динамичная и вновь побуждающая нас задуматься о природе насилия, – несомненно, одна из лучших его книг.

La Vanguardia

Перес-Реверте – живой классик, которого сравнивают с Александром Дюма и Жюлем Верном. Его мастерство рассказчика неизменно подкрепляется стоическим взглядом на бытие, трагическим смирением перед диктатом природы, торжеством игры и риска, которые и составляют человеческую жизнь.

El Cultural

Возможно, величайшая ценность этого романа в том, что он наглядно показывает, как некогда свершались революции, – нам, живущим в сегодняшнем мире, который так и не избавился от войн, зато склонен к диванному активизму. Поклонникам Переса-Реверте повезло. Создатель «Капитана Алатристе» зовет нас в Мексику на урок мировой истории, полный приключений в духе «Итальянца»: те, кто внизу, против тех, кто наверху, а между ними – народные массы. Стрельба неизбежна.

El periódico de España

«Революция» – голливудский роман, идеально написанный для идеального читателя; как всегда, Перес-Реверте не обманул ожиданий.

El Mundo

В этом романе есть все, что мы любим у Переса-Реверте: верность и предательство, любовь и разочарование, борьба и бесконечные победы и поражения.

Queleer

Приключения, лихой экшен, интриги... Артуро Перес-Реверте ставит планку очень высоко и всякий раз умудряется не разочаровать.

El Imparcial

«Революция» – роман увлекательнейший, почти наставительный, сродни германским книгам этого жанра. Очутившись в Мексике, главный герой ценой

тяжелого урока жизни постигает, что такое храбрость, верность, любовь, предательство, честь, обман, бездумное насилие, месть и распад души.

El Correo

Артуро Перес-Реверте обладает талантом погружать читателя в любую эпоху, и здесь мы оказываемся в Мексике начала XX века, в вихре событий, посреди истории, подкрепленной глубокими исследованиями. Другой талант Переса-Реверте – создавать персонажей почти мифических масштабов; перед читателем предстают искренние, отважные, верные, противоречивые, сомневающиеся люди. В этом романе все проникнуто литературной магией.

Milenio

Перес-Реверте вешает патронташи на грудь крест-накрест, отращивает усы и галопом скачет в книжные магазины с «Революцией», в которой читатель найдет все то, из чего состоит мировой бестселлер.

Vozpópuli

Перес-Реверте дарит нам радость от ловкой игры между вымыслом и историей.

The Times

Артуро Перес-Реверте знает, как удержать внимание читателя и заставить его сгорать от нетерпения, пока перелистывается страница.

The New York Times

Читая Переса-Реверте, умудряешься забывать дышать.

Corriere della Sera

Он не просто великолепный рассказчик. Он мастерски владеет разными жанрами.

El Mundo

Есть такой испанский писатель, сочинения которого подобны лучшим работам Спилберга, одобренным толикой Умберто Эко. Его зовут Артуро Перес-Реверте.

La Repubblica

Элегантный стиль повествования сочетается у него с прекрасным владением словом. Перес-Реверте – писатель, у которого поистине следует учиться.

La Stampa

Перес-Реверте обладает дьявольским талантом и виртуозно отточенным мастерством.

Avant-Critique

Волшебство в том, как Артуро Перес-Реверте заставляет читателей вглядываться в глубины повествования, – он распахивает перед нами гобелен, сотканный из исторических фактов и ментальных координат прошлого. Это и вообще сложный трюк, но он граничит с виртуозностью, когда автор добавок

преподносит нам жизненный и исторический урок под видом приключения, от которого невозможно оторваться.

Zenda

Я знаю, куда забросила тебя судьба. Ты сам выбрал свой путь. Но нам – тем, кого ты оставил позади, – всегда казалось, что ты углубляешься в пустыню без дорог. Нам ты всегда виделся человеком, которого следует считать пропавшим. Но ты появился снова, и, хоть мы с тобой, возможно, не увидимся больше, в памяти моей ты дорогой и желанный гость, и признаюсь тебе, что хотела бы узнать, какие происшествия случались с тобой на том пути, который привел тебя туда, где ты пребываешь ныне.

Джозеф Конрад. Золотая стрела

Хулио Мингесу —

с благодарностью за верность и память

1

«Банк Чиуауа»

Это история о человеке, о революции и о сокровище. Революция происходила в Мексике во времена Эмилиано Сапаты и Франсиско Вильи¹. Сокровищем были пятнадцать тысяч золотых монет достоинством двадцать песо, отчеканенных при императоре Максимилиане² и похищенных из банка в Сьюдад-Хуаресе 8 мая 1911 года. Человека звали Мартин Гаррет Ортис, и для него все началось в то утро, когда в отдалении ударил выстрел. Бам! – послышалось на улице, а следом, замирая, прокатилось эхо. Потом грохнуло еще два раза: бам! бам!

Мартин отложил книгу, которую читал, – «Электрооборудование современной горнодобывающей промышленности» – и, разведя шторы, взглянул в окно. Стреляли из винтовки в двух-трех кварталах от него. В паре блоков, как говорят мексиканцы. Потом почти сразу же грянули новые выстрелы – на этот раз ближе. Стояло безветрие, и потому поднявшийся над плоскими крышами приземистых домов дым – сперва серый, а потом черный – столбом устремился в слепящую утреннюю синеву. Выстрелы сливались воедино: бам-крак-крак, бам-крак-бам. Эхо множило эти звуки. Казалось, что повсюду с частым и громким треском горит сухое дерево.

Началось, не без волнения подумал он. Докатилось и до нас.

Мартин Гаррет был от природы весьма любопытен и пребывал еще в том возрасте – два месяца назад ему исполнилось двадцать четыре года, – когда не опасаются ни превратностей судьбы, ни посвиста шальных пуль на улицах. Но, кроме того, он томился от скуки в номере отеля «Монте-Карло», ожидая, когда же снова заработают шахты в Пьедра-Чиките, закрытые из-за сложной политической обстановки на севере страны. Так что жажда новизны победила благоразумие. Он застегнул жилет, оправил галстук, взял шляпу и пиджак, а в карман его сунул маленький никелированный револьвер «орбеа» с пятью патронами 38-го калибра в барабане. И тяжесть оружия в правом кармане подействовала успокаивающе. Потом, перескакивая через две ступеньки, спустился в холл и мимо испуганного портье, высунувшего только усы из-за стойки, вышел на улицу.

Он хотел все рассмотреть, все увидеть собственными жадными глазами. Со дня приезда из Испании молодой горный инженер следил за развитием событий лишь по газетам, местным и американским. А они в один голос твердили, что конфликт неминуем, что положение президента Порфирио Диаса³ шатко, а все недовольные объединяются вокруг оппозиционного политика Франсиско Мадеро⁴. В последние месяцы напряжение нарастало, начались столкновения, становившиеся все кровавее. Шайки бандитов, мелких фермеров, отчаявшихся крестьян сбивались теперь в отряды, организованные почти на военный лад под командой главарей, которые требовали справедливости и хлеба для народа, прозябающего в нищете по вине высокомерных

---

¹ *Эмилиано Сапата* (1879–1919) – мексиканский революционер и военачальник, известный как Южный Аттила и Южный Вождь, возглавлял так называемую Армию освобождения Юга – отряды восставших крестьян; считается одним из символов борьбы мексиканских крестьян за справедливость. *Франсиско* (Панчо) *Вилья* (Хосе Доротео Аранго Арамбула, 1878–1923) – один из самых известных вождей Мексиканской революции. – *Здесь и далее примеч. ред.*

² Имеется в виду Максимилиан I Мексиканский (1832–1867) – младший брат австрийского императора Франца Иосифа, первый и единственный император Второй мексиканской империи (1863–1867), вступивший на престол по приглашению консерваторов и расстрелянный пришедшими к власти республиканцами.

³ Генерал *Порфирио Диас* (Хосе де ла Крус Порфирио Диас Мори, 1830–1915) – мексиканский диктатор, в общей сложности пробыл у власти тридцать лет и сто пять дней; этот период, кончившийся Мексиканской революцией, принято называть порфириатом.

⁴ *Франсиско Мадеро* (Франсиско Игнасио Мадеро Гонсалес, 1873–1913), известный как «Апостол Демократии» и «мученик», – мексиканский предприниматель, писатель, филантроп и политик. Был президентом Мексики с ноября 1911-го по февраль 1913-го, до военного переворота, известного как «Десять трагических дней».

латифундистов и правительства, глухого к доводам рассудка. Для каждого мексиканца, принадлежащего к среднему или низшему классу, само слово «правительство» стало синонимом слова «враг». По этой причине мятежники так рвались в Сьюдад-Хуарес, где был основной пограничный переход из Мексики в Соединенные Штаты. И уже несколько дней подбирались к городу, занимая позиции вокруг. Накапливали силы. Теперь начиналась настоящая борьба и, наверно, революция.

В дальнем конце пустой улицы, перед билиардной «На том и этом свете», лежал убитый. Лежал лицом вверх: после того как в него попала пуля, кто-то, несомненно, волоком дотащил его сюда в поисках укрытия – по неасфальтированной улице тянулась длинная полоса полусохшей крови. Мартин еще никогда – даже в шахтах – не видел людей, умерших не своей смертью, и потому застыл на миг, рассматривая убитого. Невольно обратил внимание, что одежда убитого в беспорядке – карманы вывернуты, ноги в одних носках, – обращенное к небу лицо искажено, и глаза припорошены тонким слоем пыли. Над трупом роились мухи, с жужжанием перелетая от приоткрытого рта к буроватому пятну на груди. Возраст погибшего определить было трудно: можно дать и тридцать лет, и пятьдесят; одет по-городскому. Не боец, а скорее случайная жертва, подвернувшаяся под шальную пулю. Тут Мартин догадался, зачем труп тащили по улице под защиту приземистых домов. Нет, не затем, чтобы перевязать – он уже был убит, – а чтобы без помех обшарить и ободрать.

Мартин прошел до угла и еще немного вперед, стараясь держаться поближе к стенам. Улицы были по-прежнему безлюдны. Стрельба не только не стихала, но и разгоралась все яростней, причем сразу в нескольких местах. Он ориентировался на звуки ближайших выстрелов. Чаще и громче всего они гремели в северо-западной части города, у мостов через реку Браво, шедших через границу на территорию США, в Эль-Пасо.

Хотелось пить. От напряжения пересохло в горле. Чем дальше он шел по этим кварталам, тем ниже становились дома, тем сильней, поднимаясь в зенит и съедая остатки тени, жгло солнце. Мартин ослабил узел галстука, платком вытер пот со лба и промокнул шляпу изнутри, огляделся. Ни души. Он и не представлял себе раньше, что война способна так обезлюдить пейзаж.

На другой стороне улицы намалеванное на фасаде название «Червовый туз» обозначало таверну. Жажда мучила невыносимо, и он быстро прикинул все за и против. Решившись, приступил бегом; тридцать метров показались бесконечными, но никто в него не выстрелил, хотя пальба слышалась совсем недалеко. Дверь оказалась заперта. Он несколько раз постучал, и вот наконец она чуть приоткрылась, и в узкой щели возникло худое усатое лицо.

– Позвольте войти, – сказал Мартин. – Умираю, пить хочу.

За дверью помолчали. Два очень черных глаза с опаской рассматривали его.

– Деньги есть, – настаивал он. – Я заплачу за то, что выпью.

После недолгого колебания хозяин впустил его. Ставни были закрыты, и внутри полутемно: в слабом свете, проникавшем только через слуховое окно, можно было разглядеть комнату со столами и колченогими стульями, стойку и несколько неподвижных фигур. По мере того как глаза привыкали к полутьме, Мартин стал различать обстановку яснее. Человек шесть посетителей уставились на него с любопытством.

– Чего вам налить, сеньор?

– Воды.

– И больше ничего? – Хозяин взглянул на него с удивлением. – Не желаете сотола⁵ или текилы?

– Это потом. Сейчас дайте мне воды, пожалуйста.

⁵ *Сотол* – крепкий алкогольный напиток типа текилы: это название употребляется только в штате Чиуауа.

Он жадно опустошил целый кувшин. Один из посетителей поднялся и подошел к стойке, облокотился о нее. Низкорослый, с объемистым животом, выпиравшим из-под полурасстегнутого полотняного пиджака, с густыми усами, почти закрывавшими рот, он изучающе рассматривал Мартина, а тот, сняв шляпу еще при входе, утирал платком взмокшее лицо.

– Испанец?

– Да.

– Гачупина⁶ с первого слова узнаешь.

Не зная, хорошо это или плохо, Мартин кивнул. Не дай бог, если примут за одного из испанских помещиков, державших сторону Порфирио Диаса.

– Ну, как говорится, всякая птичка на свой лад чирикает.

– Разумеется.

Хозяин, больше не спрашивая, поставил перед Мартином стопку текилы. Тот поднес ее ко рту, глотнул и невольно сморщился. Текила была прозрачна, как вода, и крепка, как сам дьявол.

– Скверное времечко выбрали для прогулок, – сказал пузан.

Он не сводил с Мартина любопытствующих глаз. Снаружи приглушенно шелкнули несколько выстрелов.

– Это мятежники? – спросил Мартин.

– Как посмотреть, сеньор, – ответил тот, встопорщив усы мрачной улыбкой. – Это сторонники Мадеры, которые дрючат лысых. А те – их.

– Лысых? – переспросил Мартин.

– Ну, солдат.

– Так их прозвали, потому что стрижены под ноль, – пояснил хозяин.

– Голодранцы против нищевродов... Власть имущие посылают их искать на том свете то, чего не обрели на этом.

Усач говорил гладко и правильно. Было видно, что он не без образования.

– И на вашем бы месте, сеньор, я бы спокойно сидел здесь да потягивал текилу. Потому что, если высунуть нос отсюда, можно нарваться на неприятности.

– А что вообще происходит?

– В нескольких кварталах и на станции идут бои. – Мексиканец показал на людей за столом. – Эти вот ребята смогут объяснить лучше. Они оттуда пришли, благо идти было недалеко.

Мартин оглядел всех четверых – засаленные спецовки из синей плотной парусины, заношенные фуражки, усаые, перепачканные углем лица. Железнодорожники. Или, как их называют на севере, путейцы. Сделав знак хозяину, он обратился к ним:

– Не окажете ли мне честь угостить вас?

– Отчего же не оказать? – ответил один из них.

Они медленно, с достоинством поднялись и подошли к стойке. Хозяин разлил.

– Мадеристы ударили на нас на рассвете одновременно с запада и с юга, – сказал тот же путеец. – Сперва малыми силами, а потом к ним подоспело подкрепление, там и кавалерия была, и все... и мы огребли по полной... – Он показал на своих товарищей. – Нам пришлось драться на станции... И пришлось нам солоно.

– И кто побеждает?

– Пока еще непонятно. С одной стороны, говорят, идет дон Франсиско Мадеро с сеньорами Ороско⁷ и Вильей, а это люди крутого замеса. С другой – федералами командует генерал дон Хуан Наварро, тоже не пальцем деланный.

---

⁶ *Гачупин* (gachupín) – в Латинской Америке так называют испанцев, прибывших из Испании, в противовес местным уроженцам – креолам.

⁷ *Паскуаль Ороско Васкес* (1882–1915) – один из лидеров Мексиканской революции, позже, однако, поднявший восстание против Франсиско Мадеро.

– Тигр Серро-Прието, – вставил усач.

В том, как он это произнес, восторга не слышалось. Наводило на мысли о стенах, побитых рьябинами пуль, о людях, гроздьями диковинных плодов висящих на деревьях.

– Когда все это кончится, – сказал еще один путеец, – многих недосчитаемся.

Все сосредоточенно выпили. Снаружи стрельба то стихала, то через миг вспыхивала вновь и с новой силой – это было похоже на то, как накатывает прибой на скалы. Мартин заказал всем еще по одной, и никто не отказался.

– Скажите-ка... – Усач, держа в руке стопку и нахмурившись, разглядывал Мартина.

– Слушаю.

– Не обидитесь, если спрошу?

– Нисколько.

– Что вы забыли в здешних краях?

Сбитый с толку Мартин ответил, запинаясь:

– Я работаю... на шахте... тут неподалеку...

Усач, будто неожиданно почуяв рядом врага, кольнул его острым недоверчивым взглядом. Одним махом допил свою порцию и снова оглядел Мартина, с особым вниманием всмотревшись в правый карман его пиджака, оттянутый сильнее, чем левый.

– Управляющий?

– Инженер.

– А-а... – протянул усач с облегчением.

– Мне любопытно. Никогда еще не видел революцию.

– А вот говорят, любопытство кошку сгубило... – сказал один из путейцев. – Так что лучше переждать, посидеть здесь еще малость, пока не стихнет.

Мартин задумался. Но порыв возобладал над благоразумием. Он положил на стойку несколько монет:

– На самом деле, мне пора...

И не договорил. В дверь забарабанили – часто, яростно, угрожающе. Когда просят позволения войти, так не стучат: это была не просьба впустить, а требование предоставить проход. Не то худо будет.

– Отворяй, сукины дети! Добром не откроете – дверь высадим!

Они вошли, и ворвавшийся вместе с ними свет заиграл на стволах карабинов, на металлических головках пуль в гнездах патронташей, перекрещенных на груди белых холщовых рубаш, на желтых куртках и расшитых жилетах. Было их человек двенадцать – усталых и злых, пахнущих потом и землей. По дощатому полу харчевни зазвякали шпоры. Воспаленные глаза под широкими полями шляп, посеревшие от порохового дыма усы.

– Всем стать к стене! – приказал тот, кто по виду был старшим.

Мартин повиновался вместе со всеми. Лишь хозяин, не сомневавшийся, что сейчас у него что-нибудь потребуют, остался за стойкой. Безропотно подчиняясь обстоятельствам, достал еще один кувшин с водой, две бутылки текилы, выстроил в ряд стопки. Судя по всему, революция навевалась в «Червовый туз» не впервые.

Мартина обыскали, как и остальных. Миг спустя его бумажник и револьвер оказались в руках главаря.

– А это, дружок, что такое?

Держа оружие на ладони, он разглядывал Мартина с насмешкой и подозрением.

– Мое личное оружие. На всякий случай ношу, – пожал плечами тот.

– На какой еще на всякий?

– Мало ли кто попадется на улице...

– Он хороший человек, – вмешался усач.

Главарь даже не обернулся к нему. Полосатые выцветшие штаны, короткая, до пояса, куртка. Один патронташ – на поясе с подвешенным сбоку огромным револьвером в кобуре, два других – крест-накрест на груди. Карабин 30/30 он положил на стойку; из-под широкого поля шляпы все так же пристально и жестко смотрели черные глаза.

– И чем же это он хорош?

– Поставил нам всем. Угостил с дорогой душой, не жался. Он инженер.

– Испанец?

– Да. Но из Испании.

Мадерист, кивнув, снял сомбреро, рукавом вытер лоб. И волосы, и усы, полностью закрывавшие верхнюю губу, были уже тронуты ранней проседью, а от правого виска к челюсти тянулся еще довольно свежий лиловатый шрам – след рубленой раны.

– Значит, повезло ему. Был бы здешний – висел бы уже в петле.

Его люди, смешавшись с путейцами, облепили стойку. На полу они оставили два больших дорожных мешка и объемистый красный ящик с веревочными ручками. Кабатчик выложил связку сигар «Ла Палома», и посетители, разобрав их, прикуривали друг у друга. Обволоклись клубами дыма и слегка размякли.

– А что сиятельный сеньор забыл в этой дыре? – осведомился главарь.

– Пошел взглянуть, что происходит. – Мартин позволил себе намек на улыбку. – Я живу в отеле «Монте-Карло», в четырех кварталах отсюда.

Главарь не улыбнулся в ответ:

– Фешембельный, небось, отель?

– Ну, недурной.

– Пули туда и оттуда как мухи летают. Рискуете сквознячок в фигуре получить.

– Простите, что получить?

– Дырку в черепушке, вот что.

– А-а... Ну, вот я и зашел сюда.

Главарь еще минуту вглядывался в него, словно сомневаясь. Потом одной рукой протянул Мартину бумажник, а другой спрятал револьвер к себе в карман. Кто-то пододвинул ему стакан воды, и он осушил его маленькими глотками. Допив, хлопнул в ладоши:

– Собирайтесь, ребята, выходим.

Остальные допили свои порции, поставили стопки и двинулись к дверям, не сделав ни малейшего поползновения уплатить. Хозяин воспринял это со всегдашним смирением: бутылка текилы и бутылка сотола – небольшая плата за то, что его оставили в покое. Главарь взял свой карабин, и тут Мартин показал ему на красный ящик, куда один из гостей стряхнул пепел с сигары.

– Вы позволите, сеньор, сказать вам два слова?

Тот остановился и окинул его неприязненным взглядом:

– На то Господь и дал нам всем язык... Но за свои слова каждый отвечает сам.

Мартин снова показал на ящик:

– Это динамит?

– А если и так, то что?

– А то, что я бы на вашем месте не курил вблизи. Заряды старые и, кажется, вспотели.

– Чего-чего?

– На поверхности, как испарина, проступает нитроглицерин. Рискуете взлететь на воздух.

Главарь заморгал:

– С чего вы взяли?

– Говорю же: он инженер, – снова вмешался усач.

Главарь скорчил пренебрежительную гримасу.

– Мои ребята, – он показал на свирепые ухмыляющиеся лица, – с безносой в обнимку пляшут.

– Тем не менее, – ответил Мартин. – Зачем нарываться?

Мексиканец как будто призадумался. Потом снова обернулся к своим:

– Слыхали? Гасите свои сигары, с огнем не играют.

Все вышли. Но главарь тут же снова возник в дверях. И взглянул на Мартина:

– Вы чего – разбираетесь во взрывчатке и всяком таком прочем?

– Немного. Это часть моей работы.

– Он сказал, вы инженер? По какой части?

– Горный.

Главарь в задумчивости провел ногтем большого пальца по усам.

– И умеете так заложить динамит, чтоб что надо взорвать, а остальное не тронуть?

– Не понимаю.

– Ну, чтобы взорвать какое-нибудь место, но так, слегка... Чутьочку. Столько, сколько нужно.

– Это зависит от того, что требуется... Но думаю, что справлюсь.

Лицо главаря осветилось широкой улыбкой.

– Придется вам сопровождать нас! Не в службу, а в дружбу.

Мартин ощутил холодок под ложечкой. Растерянно взглянул на мадериста, но по лицу его понял, что возражения не допускаются. И потому надел шляпу, вышел наружу и вслед за главарем и его людьми зашагал по правой стороне улицы. Куда направляются, не сказали, а спросить он не решился.

Пальба доносилась с трех точек, по солнцу определил Мартин, – с севера, с запада и с юга. И не ослабевала. Только в восточной части Сьюдад-Хуареса было вроде бы тихо. Время от времени его спутники останавливались на перекрестках, всматривались и стреляли наугад, словно бы проверяя, нет ли угрозы впереди, а потом поочередно бегом бросались вперед и собирались на другой стороне. И каждый раз главарь ободряюще хлопал Мартина по спине:

– Шевелите копытами, инженер... Не зевайте, а то подстрелят.

Обстреляли их только однажды. Неподалеку от арены для боя быков, с оконечности проспекта треснули два выстрела, и от вжикнувших над головой пуль Мартин покрылся гусиной кожей. Его спутники остановились на миг, вскинули карабины и вразнобой ответили огнем. И только главарь, не пригибаясь, медленно, с безразличным видом шел вперед. Перехватив взгляд Мартина, оставшегося на углу, задержался, обстоятельно раскурил сигару и двинулся дальше.

– Так что, дружище, с динамитом вы в ладах?

Прижимаясь к стенам домов, они снова шли вперед. Мартин кивнул:

– Да, по работе случалось иметь с ним дело. В шахтах часто приходилось подрывать пласты.

Мексиканец остановился, наклонившись, отцепил шпоры и повесил их к поясу рядом с кобурой.

– Забавно вы сказали насчет испарины. Глазок – смотрок.

– Динамит – это нитроглицерин, которым пропитывают такое особое вещество вроде глины, чтобы можно было безопасно хранить и использовать.

– Ну надо же... А потеет как человек?

– Более или менее. От времени, от жары, от сырости или от холода эта пропитка начинает выделять влагу. – Мартин подбородком показал на тех двоих, что тащили красный ящик. – Его и переносить-то с места на место опасно.

– Ладно уж, мы почти дошли, – рассмеялся мексиканец. – А то, конечно, если рванет – костей не соберешь.

Время от времени они останавливались, чтобы сориентироваться. Опускали ящик на землю, а главарь разворачивал лист бумаги, где карандашом был начерчен план. Пройдя еще несколько шагов, Мартин заметил, что главарь с любопытством поглядывает на него краем глаза.

– Давно в Мексике?

– С января. Приехал работать на шахте, а они все закрылись из-за революции.

– Во как... Из Испании ради этого?

– Ну да.

– А у нас, что ли, своих инженеров нет?

– Да есть, конечно. Но у компании, которая ведет разработку, капитал испанский, и акционеры тоже. Вот меня и направили оттуда.

Главарь показал на своих людей:

– Очень это хреново, когда и капитал, и акционеры нездешние. Мы и революцию-то устроили, чтобы капиталисты не высасывали из бедняков все соки... Чтоб землю разделить между теми, кто ее обрабатывает, а шахты принадлежали народу.

Он говорил очень убежденно, резко и пылко. Мартину это показалось разумным – до известной степени. Правительство и пресса изображали повстанцев как оголтелых и бессердечных разбойников, а тут возникал иной образ. Любопытно было бы узнать их получше.

– Да кому бы шахты ни принадлежали, – ответил он, – кто-то должен ими управлять. Организовывать работу. И не кто попало, а тот, кто знает дело.

Главарь взглянул на него с насмешкой:

– А вот ты знаешь?

– Я этому учился.

– Иными словами, кто бы у нас тут ни верховодил, ты без работы не останешься, так?

– Надеюсь на это.

В глазах главаря мелькнуло нечто вроде уважения.

– Повезло, что смог выучиться. – Он снова показал на своих товарищей. – А из этих вот, с голоду помиравших, никто даже в школу не ходил. Да и я выучился с грехом пополам только читать да писать кое-как.

– А четыре правила арифметики?

– Знаю только два – складывать и вычитать. На остальные времени не хватило.

– Думаю, революция переменит все это, а?

Главарь взглянул на него очень пристально, словно пытаясь понять, серьезно ли тот говорит. И остался доволен увиденным.

– Всему свое время, дружище. Надеюсь, мир не перевернется и индейцы нас не перережут.

И вот наконец они оказались перед двухэтажным зданием с огромной вывеской на фронтоне. По улыбкам на лицах Мартин понял, что дошли до цели. Он ожидал, что ею окажется форт, или мост, или что-то в этом роде, и уже представлял, как, пригибаясь, чувствуя лопатками дуло револьвера, закладывает динамитные шашки и поджигает бикфордов шнур, а над головой градом хлещут пули, и эта перспектива одновременно и ужасала, и восхищала его. Но от увиденного он замер с открытым ртом. Черные буквы на желтом фоне складывались в слова «Банк Чиуауа».

Мартин Гаррет своими руками еще никогда не устраивал подрыв, хотя присутствовал при многих. В силу своей профессии он знал основные принципы взрывных работ, мог рассчитывать заряд и место закладки: все это он изучал в мадридской Школе горных инженеров, а

потом на практике – в Испании и Мексике, когда на протяжении двух лет направлял бригады бурильщиков в подземные галереи и в открытые рудники. Тем не менее одно дело – закладывать динамитные шашки в проделанные отверстия и потом взрывать их по каноническим профессиональным правилам, и совсем другое – делать то, что предстоит ему сейчас. Поэтому он слегка растерялся, когда, спустившись в подвал банка, дошел до огромной бронированной двери в конце коридора.

– Ну, как ты смотришь на это, дружище?

– Да вот смотрю. Тем и занят...

– Справишься?

– Может, да, а может, и нет...

– Расстарайся, чтобы вышло «да». Букв-то почти столько же.

Инженер хмуро рассматривал хромированную сталь внушительных засовов, замков и маховиков, покуда его спутники со шляпами на затылке, с карабинами наперевес сгрудились чуть позади и наблюдали за ним с совсем иным, едва ли не почтительным видом. Жар революционной самоуверенности остыл и улетучился, и теперь даже главарь поглядывал на Мартина с опасливым уважением. Перед лицом непостижимых их разумению тайн эти корявые, загрубелые парни ожидали от него обнадеживающего знака, как ждут слова врача или священника.

– А не проще ли доставить сюда директора или кого-нибудь из здешних клерков, знающих устройство этих запоров?

– Да перебили их всех, разве не знаешь? Остается только шарахнуть.

Мартин снял шляпу и в сомнении поскреб висок.

– Шарахнуть, говорите?

– Говорю.

Инженер вздохнул. На самом деле выбора у него не было – все это знали, а он – лучше, чем кто другой. И наконец он решился:

– Мне понадобятся мешки с землей и толстые доски.

– Слыхали? Тащите!

Раскуривая гавану, прихваченную из обставленного красным деревом и кожаными креслами кабинета наверху, главарь не сводил глаз с Мартина. А тот подошел к вещевым мешкам с маркировкой федеральной армии и осматривал их содержимое – мотки бикфордова шнура и стопина⁸, кусачки и прочие инструменты. Откуда бы их ни добыли, выбор был сделан верный: в мешках и в красном ящике имелось все необходимое. Хорошо бы, подумал Мартин, там оказалось и немножечко удачи.

– Сумеете, сеньор? – настойчиво спросил главарь.

На «вы» и «сеньор» вместо «дружище». И в голосе звучит почтение. Почтение, смешанное с беспокойством, и Мартин отлично сознавал его причину. Одно дело – нагряться в «Банк Чиуауа» с динамитом и намерением раскурочить сейф, и совсем другое – оказаться перед толстой стальной дверью со множеством непонятных рычагов, штурвалов и прочих запорных механизмов. От его тона Мартин ощутил необыкновенную уверенность в своих силах. Впервые с той минуты, как он перешагнул порог «Червогого туза», все здесь зависело от него. Он знал нечто такое, что было неведомо остальным.

– Наверно, сумею, – сказал он и добавил властно: – Только держитесь от меня подальше с этой своей сигарой.

Главарь пожал плечами. Встопорщил усы в двусмысленной усмешке:

– Как скажете... Тут каждое ваше слово – как Христова заповедь.

Принесли мешки с землей, толстые доски, и по приказу Мартина часть сложили рядом с ним, а часть подтащили к бронированной двери, меж тем как сам он склонился над красным

---

⁸ *Стопин* – шнур, пропитанный легко воспламеняющимся веществом и служащий для передачи огня.

ящиком и стал доставать оттуда и раскладывать на полу динамитные шашки, стараясь, чтобы ни одна капля пота со лба не упала на них. По одному доставая и взвешивая на руке цилиндрики, завернутые в вощеную бумагу, он мысленно вел технические расчеты. Потом разложил на две кучки, перетянул суровой ниткой, тщательно вытер влажные от желтоватого нитроглицерина пальцы и обмотал каждую метровым отрезком стопина. Концы отрезал наискось и закрутил, скрепив так, как делали это испанские бурильщики. Бикфордов шнур горел со скоростью сантиметр в секунду, так что дистанция была чуть больше трех метров. Достаточно, чтобы поджечь и успеть убежать.

– Мешки сложите, где скажу. И очень аккуратно.

Мексиканцы повиновались. Один отмеренный заряд динамита лежал у той стороны бронированной двери, где были шарнирные петли, другой – у запоров. Потом Мартин показал, как накрыть обе кучки мешками с землей, потом досками и сверху снова мешками. И когда все было готово, обернулся к тем, кто выжидательно смотрел на него:

– Давайте все отсюда.

Приказ выполнили все, кроме главаря, который не сдвинулся с места и стоял, широко расставив ноги, с сигарой в руке. Мартин подошел к нему вплотную, поглядел в черные, твердые глаза и, сказав:

– Позвольте-ка, – вынул у него из пальцев дымящийся окурок.

Потом прижал окурок к концу шнура. Тот зашипел, воспламеняясь и распространяя вокруг запах пороха и горячей гуттаперчи. Мартин вернул главарю сигару и спокойно пошел по коридору, не оборачиваясь и не проверяя, следует ли тот за ним. Дойдя до лестницы, услышал за собой шаги.

Остальные ждали их этажом выше. Для развлечения они вывернули ящики, открыли каталожные шкафы и выбросили на пол документы. Двое помочились в зарешеченные окошки касс.

Мартин показал им на двери:

– Давайте-ка лучше все на выход... Мало ли что.

Бандиты переглянулись, неловко затоптались, почти по-детски замялись – никому не хотелось торопиться на глазах у остальных. Мартин вышел на улицу, сощурился от яркого света, отражавшегося от выбеленных стен, вдохнул горячий воздух позднего утра. На соседнем доме висела реклама американских рабочих брюк «Ливайс» и другая – швейных машин «Зингер». В отдалении по-прежнему слышались выстрелы.

Следом за ним вышли и все остальные. Замыкавший шествие главарь задержался в дверях, выпустил прощальное облачко дыма и бросил сигару на землю.

От глухого подземного взрыва вздрогнули стены и посыпались стекла в окнах. Когда пыль рассеялась и осколки усеяли тротуар, бандиты с ликующими криками принялись хлопать Мартина по спине.

Никогда прежде он не видел столько денег сразу. Здесь были мешки с серебряными монетами и пачки мексиканских песо – и новых, в неповрежденной банковской упаковке, и уже бывших в обращении. Нашлись в немалом количестве и доллары США. Бандиты радостно переговаривались, таская добычу по коридору и по лестнице, после взрыва засыпанной пылью и обломками. При свете керосиновой лампы они носили мешки и коробки, обсуждали, что можно сделать с такой уймой денег – сколько можно закупить домов и ферм, сколько голов скота, сколько побрякушек женам и игрушек детишкам. Глаза у них горели алчностью, и Мартин догадывался, что, представься только удобный случай, многое бы оказалось у них в карманах. Однако под бесстрастным взглядом главаря, который прохаживался взад-вперед, все держались в рамках. Мартин ожидал, что будет грабеж по всей форме, с пальбой в воздух и прочим буйством, но в ожиданиях своих обманулся: если не считать подрыва, все шло чинно и

деловито. Для революционеров они вели себя слишком уж дисциплинированно. Может быть, из уважения к священной борьбе за дело народное, а может быть – и это вероятней, – к тяжелой руке вожака, которую тот, будто ненароком, держал на кобуре, не спуская глаз со своих присных.

– Шевелись, сейчас полковник придет, – подгонял он.

В углу бронированной камеры хранилища стояли десять деревянных ящиков, опечатанных красным сургучом и опломбированных, и Мартин заметил, что, обнаружив их, главарь не удивился. Напротив, он подошел к ним и потыкал носком сапога, словно определяя вес, потом наклонился, проверяя печати и пломбы, а потом, не вскрывая, приказал двоим караулить их. Судя по всему, это были самые надежные его люди; с карабинами наперевес, отогнув кверху поля сомбреро, они встали у ящиков. У одного на рукаве были две красные ленты, заменявшие шевроны.

– Ни шагу отсюда, пока я сам лично не приду.

– Слушаюсь.

– Глядите в оба, ребята... Будьте зорки, как орлы. А кто дотронется до ящиков – умрет... Это ясно?

– Ясней некуда, сеньор майор.

Так Мартин узнал, в каком чине ходит главарь. Майор – или команданте – в регулярной армии командует подразделением численностью человек в триста, но в охваченной революцией Мексике, где генералы и полковники появлялись как грибы после дождя, это звание могло значить все, что угодно. Иное дело, что никто бы не стал оспаривать его авторитет – довольно было посмотреть на его лицо со свежим шрамом, на холодные, спокойные глаза, будто вырезанные из черного камня. Сейчас он задумчиво рассматривал Мартина. Оба стояли на верхнем этаже, глядя, как люди громоздят на стол песо и доллары.

– Справились, сеньор, – признал мексиканец после паузы.

Теперь он смотрел на Мартина с каким-то новым интересом. Более того – благожелательно и даже дружелюбно. Впрочем, мало что можно было понять по этому бесстрастному лицу типичного северянина.

– Немного не рассчитал заряд, – поскромничал Мартин, хоть и был в глубине души польщен. – Чуть было все здание на воздух не подняли.

– Как говорят моряки, лучше переест, чем недоспать.

Они вышли из дверей банка. На улице прибавилось мадеристов – грязных, оборванных, потных: они шли медленно и без остановки, с винтовками или карабинами на плече, вереницами или кучками, с каждой минутой становившимися все более многочисленными. Кое-кто был в сандалиях, а кто и босиком. Направлялись они туда, откуда, отдаляясь, но не смолкая, доносился шум боя. Майор стоял неподвижно и внимательно прислушивался, нюхая воздух, как охотничий пес. Вид у него был довольный.

– Музыка, а?! Что скажете?

Мартин слегка кивнул, не без сомнения:

– Смотря кто играет.

Майор окинул его ехидным взглядом:

– Для испанца вы недурно разбираетесь... Сколько лет околачиваетесь на белом свете?

– Двадцать четыре года.

– Ну а как вам все это?

Он показал на тех, кто проходил по улице. Мартин улыбнулся:

– Впечатляет. Невероятный опыт.

– А дома у себя вы такое видали?

– Нет, никогда.

– А должны бы... Да неужели в Испании не было революций?

– Давно уж.

– Нехорошо это – терять добрые обычаи. Если богатые упрутся, черта с два их подвинешь. Добром с ними нельзя – только силой сковырнуть. Пусть знают, зачем на свет родились.

Он вытащил из кармана маленький револьвер Мартина, снова взвесил его на ладони и протянул инженеру.

– Вроде бы ваш.

– А что вы будете делать с этими деньгами? – отважился спросить инженер, пряча «орбеа».

Майор подумал немного, прикидывая, насколько уместен такой вопрос.

– Воевать с правительством – дело дорогое, – медленно проговорил он наконец. – Сеньору Мадеро надо платить бойцам, закупать в Штатах боеприпасы и оружие. Это все стоит прорву денег.

– А вот те ящики... – еще больше осмелев, задал вопрос Мартин. – Те, которые остались внизу.

Майор резко прервал его. Губы под усами сложились в очень неприятную улыбку.

– Вы не видели там никаких ящиков.

В конце улицы появилась группа всадников свирепого вида – сомбреро, кожаные гетры, полные патронташи. Запыленные, утомленные, они ехали, бросив поводья, с винтовками поперек седла. И было в их облике что-то одновременно убогое и величественное. Перед банком они остановились, и передовой вопросительно взглянул на майора.

– Как оно? – спросил он в виде приветствия. И красным шейным платком утер лицо, от пыли и пота превратившееся в маску. Из-под техасской шляпы улыбались живые и быстрые глаза. Майор весь подобрался, вытянулся едва ли не по-строевому.

– Сеньор полковник.

– Все прошло гладко?

– Как по маслу. – Он показал на Мартина. – Отчасти благодаря вот ему, нашему новому другу.

– А то, что должно было там найтись, нашлось?

– Нашлось.

Полковник, сидевший на каурой лошади в высоком пастушьем седле с короткими стременами, закрутил ус, с любопытством разглядывая Мартина. Он был плечист, на широкой груди перекрещивались туго набитые патронташи. Мощная шея, крупная голова, крепкие зубы. Кофейного цвета сощуренные глаза под тяжелыми веками глядели пристально.

– И за что же нам благодарить твоего друга, майор?

– Он разбирается во взрывном деле и приложил к этому руку.

Полковник выпростал одну ногу из стремени, оперся локтем на луку седла.

– А позволено ли будет спросить, откуда взялось это сокровище?

Мартин сделал шаг вперед:

– Я горный инженер, сеньор полковник.

– Испанец?

– Да.

Всадник нахмурился и помрачнел, потом, обернувшись к своим спутникам, нашел глазами парня в соломенной шляпе – долговязого, тощего, безбородого и смуглого. По виду тот напоминал индейца-северянина, и глаза его – скорее желтые, чем черные, – смотрели на Мартина, как смотрит змея на мышонка, внезапно возникшего на ее пути.

– У нас здесь вашего брата-испанца не любят, – проговорил наконец полковник, поворачиваясь к Мартину. – Они нас дрючили триста лет и сейчас продолжают. У них лучшие земли, лучшие уголья и поместья, лучший скот, они поддерживают тирана Порфирио Диаса с его сворой... Перевешать их всех – и дело с концом.

Малый с индейским лицом молча кивнул, поглаживая свернутое кольцом лассо на луке седла. По странной, ему самому непонятной причине Мартин не столько испугался, сколько обиделся.

– У нас в роду я первый, кто приехал в Мексику, – сказал он твердо.

На него воззрились с удивлением, потому что ждали, что он будет робко и боязливо возражать. Полковник снова закрутил усы и насмешливо взглянул на майора:

– Находчив твой новый дружок-гачупин, ничего не скажешь.

Тот пожал плечами:

– И к тому же руки у него золотые... Вы бы видели, как он справился с этим хранилищем. – Майор широко развел ладони, показывая. – Вот такая стальная дверь или даже больше. Если бы не он, мы бы все здание разнесли к чертям, а сейф остался бы целехонек.

– Монолит, как называют его ученые люди, – улыбнулся полковник.

– Вот-вот.

– А он, говоришь, из него чилорио⁹ приготовил?

Майор состроил гримасу, обозначающую улыбку:

– Разделал и на блюде, можно сказать, подал, ешь – не хочу.

– И содержимое не повредил?

– Ящики стоят внизу такими, как их мама родила.

– Охрану поставил? Надежную?

– Обидные такие ваши слова, сеньор полковник.

– Что же, пойдем глянем, а то уж белый день на дворе.

Полковник и индеец спешили, другие взяли под уздцы их коней. Миг спустя, полюбовавшись кипами песо и долларов на столе, оба в сопровождении майора спустились в подвал.

– Побудьте-ка здесь пока, с места не сходите, – сказали они Мартину.

Тот уселся на диван под присмотром двух звероподобных личностей, вооруженных до зубов. Вскоре его позвали вниз, и он стал спускаться по ступеням. В подвале полковник, майор и индеец стояли перед дверью в бронированную камеру. Керосиновая лампа освещала вскрытые наконец ящики, набитые картонными пакетами: некоторые были уже прорваны и позволяли видеть сверкающие золотые монеты.

– Это вы постарались? – спросил полковник, показывая на огромную стальную дверь, сорванную с петель вместе с засовами.

Сказано было с восхищением. Мартин скромно кивнул. Это часть моей работы, сказал он. Мне положено уметь обращаться со взрывчаткой. Полковник – как до этого майор – смотрел на него теперь совсем по-иному. Со смесью любопытства и нескрываемого уважения.

– А если дадим вам динамит, сможете взорвать еще кое-что?

– Когда?

– Сейчас... Не знаю – сегодня, завтра.

– Опять броневые камеры?

– Да нет, не камеры... Кое-что другое... Заложить шашку – и разнести все к известной матери.

Мартин немного подумал.

– Можно попробовать.

– Сделаете?

– Отчего же не сделать?

– Что вашей милости наша революция? Ни холодно вам от нее, ни жарко.

---

⁹ Чилорио – мексиканское блюдо, типичное для штата Синалоа на северо-востоке Мексики, жаркое из разобранной на волокна свинины, перцев и зелени.

Мартин снова подумал. Он чувствовал какое-то небывалое, незнакомое воодушевление, которое было сродни душевному зуду. Его ждут новые миры, которые предстоит открыть. Предвкушение. Приключения.

– Я приехал из Испании работать на шахтах, а они уже несколько недель как закрыты. И делать мне нечего.

Полковник прищелкнул языком и сказал с очень серьезным видом:

– Мы – бедные люди, друг мой. Все, что добываем, отдаем народу. Платить вам сможем немного.

– Ничего мне не надо платить.

– То есть как? А ради чего же...

– Из любопытства. Мне очень интересно тут. И вы интересны тоже. И все, что происходит в Мексике.

Улыбка, словно трещина, пересекла маску из пыли и пота на лице полковника.

– Но внукам-то надо же будет что-то оставить, а?

– Сначала надо будет ими обзавестись.

Грянул полновзвучный раскатистый хохот, полный жизни и силы. Полковник обернулся к майору.

– Мне нравится твой дружок, – сказал он и потом взглянул на индейца. – А ты какого мнения, Сармьенто?

По-змеиному холодные, ничего не выражающие глаза-щелочки цепко держали инженера в поле зрения.

– А мне вот, сеньор полковник, не нравится. Ну то есть совсем не нравится.

Полковник снова расхохотался:

– Это потому, что ты, сволочь такая, даже тени своей не доверяешь... Но не тревожься. За него поручится майор дон Хеновево Гарса. – Он хлопнул майора по плечу. – Поручишься, дружище?

– Можем попробовать, – отвечал тот.

– Вот и славно. А если наш гачупин задурит или напакостит, ты с него шкуру спустишь.

– Как прикажете.

Полковник подмигнул индейцу:

– Остынь, остынь, Сармьенто: на твой век висельников хватит.

После этого он замолчал, словно в сомнении. Потом как бы принял решение, подошел к открытым ящикам, достал блестящую монету, медленно осмотрел ее, подбросил в воздух. Накрыв ладонью и перекинул Мартину, который поймал ее на лету.

– Держи, инженер. На память о «Банке Чиуауа» и в залог того, что еще получишь в Сююдад-Хуаресе, как только от нас отвяжутся федералы.

Мартин рассматривал монету. Двадцать песо золотом, отчеканенные в 1866 году. На аверсе – профиль какого-то бородатого человека и надпись «Император Максимилиан».

– А поскольку ты дня два будешь состоять при майоре Гарсе, а ему за тебя отвечать, хотелось бы знать твое имя... Чтобы в случае, если тебя кокнут, мы знали, про кого сказать доброе слово на поминках.

– Меня зовут Мартин Гаррет, – сказал инженер, держа в руке монету.

– Рад познакомиться. А меня – Вилья. Полковник Франсиско Вилья.

2

Мосты Сьюдад-Хуареса

Солнце давило на плечи, как чугунная отливка. Мартин вытер влажные от пота руки о штаны, чиркнул спичкой и поджег фитиль. Потом достал из жилетного кармана часы, взглянул на минутную стрелку и поднялся, стараясь делать все медленно, потому что майор Хеновево Гарса не спускал с него глаз.

– Пойдем в укрытие, – сказал инженер с деланным спокойствием.

Темные глаза майора неотрывно следили за каждым его движением. Кивнул он не сразу, а сначала будто оценив своевременность и уместность этих слов. Потом обернулся к своим людям, залегшим за изгородью и в соседних домах. Вламывая ломami и кирками стены, они шли из дома в дом, пока не оказались в этом двухэтажном строении, превращенном федералами в блокпост, и тут устроили из матрасов и мебели нечто вроде бруствера. По улице пройти было невозможно: с балконов и террас стреляли непрерывно, а вдоль проспекта Феррокарилья вело губительный огонь оружие, установленное возле арены для боя быков.

– Слыхали, ребята?! – гаркнул майор. – Прячьте рожи!

Доказывая, что отступают не от страха, все сначала сделали по выстрелу и лишь потом отошли. Гарса с насмешливой учтивостью взмахнул карабином, как бы указывая Мартину путь. Они двинулись назад, меж тем за спиной у них разозленной змеей шипел дымящийся запальный шнур. Прожужжали несколько пуль, пущенных федералами. Инженер невольно пригнулся, а его спутник невозмутимо сказал:

– Пора бы уж знать... Эти мимо пролетели. Свою не услышишь.

Мартин и в самом деле уже успел усвоить это, благо в последние часы слышал и выстрелы из оружия всех калибров, и орудийный грохот. Но одно дело – слышать, а другое – совладать с инстинктом самосохранения, неподвластным воле и разуму.

– Как думаете, получится своротить стену? – спросил Гарса.

– Надеюсь.

– Вот и я тоже, сеньор инженер.

В глазах у него застыло ледяное недоверие. И предупреждение. И каждый раз слово «сеньор» в его устах звучало как угроза, и даже больше того.

– Надеяться и верить, – сказал Мартин.

Гарса, не опознав цитату, взглянул непонимающе.

– «Граф Монте-Кристо», – пояснил Мартин.

– Какого еще Кристо песо за триста? – сморщил лоб майор. – Не путайте меня.

Они укрылись за водопойной колодой, улегшись рядом с другими бойцами, пахнущими землей, потом и порохом. Мартин снова взглянул на часы. Двенадцатиметровый запальный шнур подсоединен к пяти килограммам динамита: этого количества должно хватить для подрыва кирпичной стены между последним домом и укреплением федералов. Он проверил свои расчеты, надеясь, что не ошибся и все учел: толщину стены, количество граммов взрывчатки на квадратный дециметр, площадь поражения, размер воронки. Наука на службе у насилия. Усмехнувшись про себя, спросил, что сказали бы его профессора в Школе горных инженеров, узнай они, что он минирует банки и опорные огневые точки, а вокруг бушует Мексиканская революция? И правительственные войска стреляют в него.

Он спрятал часы и пригнулся:

– Сейчас рванет...

Открыл рот, чтобы не лопнули барабанные перепонки, и в этот миг грохнуло. От тугого плотного удара взрывной волны затряслась земля, вздрогнули толстые стены, исхлестанные

пылью. В облаке дыма над припавшими к земле людьми, которые придерживали шляпы, взлетели в воздух комья земли, обломки черепицы, щепки. И все это еще не успело осесть, как Хеновево Гарса вскочил на ноги:

– Бей их, ребята! Бей сволочей!

Выкрикнул это и с карабином наперевес ринулся в облако дыма, не посмотрев даже, бегут ли за ним его люди. Но они поднялись и бросились следом. Заглушая все остальные звуки, все ближе и чаще гремели выстрелы. В пыли, еще висевшей в воздухе, слышались только они да еще крики тех, кто убивал или умирал.

– Да здравствует Мадеро! Долой диктатуру!

Воздух был пропитан запахами земли и сгоревшей взрывчатки. Чувствуя, как жжет глаза и першит в горле, Мартин в каком-то неосознанном порыве поднялся и последовал за мадеристами. Медленно, осторожно, пригибаясь и жадно оглядываясь по сторонам. Правой рукой он нащупал в кармане револьвер, который вернул ему майор Гарса, но пока даже не вытащил его. Для чего? Против кого? Абсурдная идея – под стать всему этому хаосу.

Среди развалин лежали двое в песочном обмундировании федералов. Один уже не шевелился, а второй, слабо постанывая, полз вперед. Мартин был так ошеломлен всем происходящим, что и не подумал им помочь. Испуганно глядя на них, прошел мимо, обогнул и двинулся дальше. Ощущение опасности, осознание риска были слабее любопытства и возбуждения, от которого кровь стучала в висках, в запястьях, в паху. Грохот и сверкавшие в дыму вспышки выстрелов, запах пороха, горячий свинец, с жужжанием проносившийся мимо, хаос, что, казалось, воцарился в мире, – все это было похоже на мягкое опьянение, когда спиртное еще не одурманивает, а лишь обостряет все чувства. Мартину казалось, что он неуязвим, что способен принять, как волшебное снадобье, жизнь и смерть и перенестись в немыслимые, невероятные выси. Это погружение в войну, думал он с восторгом, сродни путешествию по причудливо выстроенному, замысловато устроенному пространству, где кровь, раны и сам человек – всего лишь второстепенные детали.

Стена развалилась на куски. Сквозь огромную брешь Мартин попал в патио дома, который обороняли федералы. Стрельба уже затихала. Выжившие размахивали белыми платками; мадеристы разоружали сдавшихся в плен. Таких оказалось человек двадцать: запорошенные кирпичной пылью, закопченные порохом, в рваном обмундировании, они, раненые и уцелевшие, спотыкаясь, выходили наружу, ошалело глядя на трупы в лужах крови. Офицер в кепи и высоких сапогах шел, пошатываясь, здоровой рукой поддерживая простреленную.

Почти все солдаты были молодые, шуплые, малорослые. На смуглых индейских лицах страх сменялся покорностью. Мадеристы обшаривали их карманы, вытряхивали оттуда все, что там имелось, прикладами сгоняли в кучу, выстрелами в упор и штыками добивали раненых, еще корчившихся на земле. Воздух был пропитан запахами крови, человеческих внутренностей и серы.

– Ну-ка, сержантов – к стенке, – приказал Гарса.

Мартин не ожидал такого. И ошеломленно смотрел, как рядовых ведут в одну сторону патио, а командиров – в другую. Среди последних оказался тот раненный в руку офицер с капитанскими звездочками, лейтенант и два сержанта. Они жались друг к другу, явно понимая, что сейчас произойдет.

Лейтенант, по виду лет двадцати с небольшим, был очень бледен. Он дважды перекрестился и широко открытыми глазами смотрел в направленные на него дула винтовок. Один из сержантов покрыл мадеристов затейливой матерной бранью. Капитан выпрямился и здоровой рукой пытался застегнуть ворот френча. Но не успел – грянул залп, и четверо повалились друг на друга. Один из палачей неторопливо обошел лежавших, посылая каждому выстрел в голову.

Майор Гарса обернулся к другим пленным.

– Мы из бригады Вильи, – сказал он зычно и грубо. – Кто хочет вместе с нами воевать против тех, кто грабит и унижает народ, тому – сюда, – и показал направо.

Солдаты нерешительно переглянулись, оценивая, какие последствия возымеет их отказ. Потом больше половины вышли вперед. Осталось человек пять.

– Что ж, вольному воля, – сказал майор.

Он вскинул карабин и стал стрелять, а следом – и его люди. Пятеро федералов упали и были добиты, как минуту назад их командиры. Майор медленно вытащил из холщовых гнезд на груди патроны и перезарядил оружие. Заклацал затвор. Гарса поднял голову и встретился глазами с Мартином.

– А-а, инженер... И вы здесь?

Сказано было сухо и серьезно, а слова сопровождал пронизывающий жесткий взгляд. Мартин не ответил, продолжая смотреть на тела расстрелянных. Он до сих пор не мог принять то, что случилось у него на глазах. Казалось, вот сейчас они поднимутся, и все это окажется фарсом. Шуткой, розыгрышем, которым решили подразнить его, Мартина. Однако никто не вставал.

– А нужно было их убивать? – спросил он.

Судя по выражению лица Гарсы, вопрос ему не понравился. Но потом он вдруг призадумался:

– Они делают то же самое.

– А как насчет...

Мартин осекся и покраснел. Он едва было не выговорил слово «сострадание», но спохватился, что сейчас оно прозвучит нелепо. И предпочел промолчать. Мексиканец, покачивая головой, пальцем снял капли чужой крови, забрызгавшие бороздку шрама. Задумчиво оглядел палец и вытер его о короткую полу куртки.

– Эту партию нужно выиграть, потому что проиграешь – умрешь, – сказал он наконец. – Пришла пора узнать, из чьей шкуры больше ремней можно нарезать.

Это прозвучало не оправданием, а как взвешенное и выношенное суждение. Мартин, поначалу растерявшись, долго смотрел на майора, а потом медленно кивнул, потому что понял его или хотел понять. Он чувствовал, как шаг за шагом углубляется в какой-то неведомый край, откуда, весьма вероятно, возврата не будет. И удивлялся, что его это не страшит. И даже не беспокоит. Это было похоже на детскую игру, которая вдруг перестала быть игрой.

Гарса продолжал рассматривать его – глаза были серьезны, а губы под усами кривились злой насмешкой. Стволом карабина он показал в ту сторону, где еще слышались отдаленные выстрелы.

– Пойдете с нами или вернетесь в отель?... У нас еще остались динамит и шнур.

Мартин огляделся: мадеристы, перезаряжавшие винтовки... федералы, только что перешедшие на другую сторону... валяющиеся в патио трупы, над кровью которых уже закружились полчища мух. Душу его неожиданно осенил мир. И это спокойное, странное просветление было столь близко к счастью, что его на миг кольнуло раскаяние.

– С вами, – сказал он.

Бой продолжался: гремела беспорядочная стрельба, жужжали пули. Три столба черного дыма теперь поднимались над Сьюдад-Хуаресом: это горит национальная библиотека, уверяли одни, а другие твердили, что видели, как грабят аптеки и магазины. Не вызывало сомнений, что правительственные войска сдают один рубеж обороны за другим и откатываются к казармам 15-го батальона, Миссии Пречистой Девы Гваделупской и к центру города.

Одиночные стрелки, оставленные сдерживать напор атакующих, били с балконов и из окон. Многочисленные трупы лежали на улицах, заваленных обломками и перегороженных упавшими телеграфными и фонарными столбами, но в тех кварталах, которыми овладели

мадеристы, стали уже появляться жители, которые до сих пор прятались в подвалах или в задних комнатах. Одни – из благоразумия или искренне – приветствовали инсургентов, другие смотрели на них молча, боязливо, явно не представляя себе, чем все это может кончиться. Женщины, оказавшиеся решительней мужчин, выносили к порогам кувшины с водой, и бойцы жадно пили. Мартин отметил, что вели они себя на удивление дисциплинированно. Гарса объяснил ему причину этого: приказ генерала Ороско и полковника Вильи уважать личность и собственность населения соблюдался неукоснительно. Если кто без веской причины убьет гражданского, совершит насилие или грабеж или пьяным напьется, тому – смертная казнь на месте. Майор сообщил это Мартину, покуда тот рассматривал двух повешенных на фонарном столбе – на груди у каждого была табличка «За бизчестье над женщиной».

– С тем, кто ведет себя не как должно, у нас разговор короткий, – сухо сообщил майор. – В стеклянном доме живешь – камнями не бросайся.

Подразделение, которым командовал майор Гарса, оказалось в северной части города, возле реки Браво. Городская застройка здесь становилась все менее плотной – лачуги, хижины, крытые пальмовыми листьями, загоны для скота тянулись до самых мостов, связывавших мексиканский берег с территорией США. Бои здесь, судя по всему, шли особенно ожесточенные: стены домов были выщерблены пулями, а в траншее, сваленные как попало, громоздились тела федералов. К трупам инсургентов отнеслись с большим почтением: их уложили рядом в тени, с головой покрыли одеялами, накидками, куртками, из-под которых виднелись только ноги в сапогах или сандалиях. Неподалеку хлопотал над ранеными врач в штатском, два санитары в белых халатах следовали за ним с коробкой, где лежали пакеты ваты в синей бумажной упаковке, бинты, флаконы с йодом, скальпели, пинцеты. Хлороформа не досталось никому. Раненые стонали и жаловались, сплевывая розоватую от крови слюну, а доктор, прежде чем начать копать в ране, совал им между зубами кусочек кожи или платок и всем говорил одно и то же:

– Ну-ну, не скули, ты же мужчина.

Майор Гарса отправился за приказаниями в здание железнодорожной таможни, где разместился штаб инсургентов, а его люди с винтовками между колен расселись отдохнуть. В жидкой тени под навесом устроился рядом с ними и Мартин. Ему по-прежнему не верилось, что все это происходит на самом деле. Река – в этом месте довольно мелкая – текла совсем рядом: ее можно было перейти вброд по пояс в воде или верхом. Оттуда, где сидел инженер, на американском берегу виднелись кучки любопытных, наблюдавших за боями в бинокли и в подзорные трубы. Полюбоваться зрелищем съехалось немало туристов. Рассказывали, что туда иногда залетали шальные пули, и среди любителей острых ощущений имелись убитые и раненые.

Несколько женщин, собиравших ветки и корни акации для костров, без стеснения разговаривали с инсургентами. Юбки до пят, волосы смазаны жиром и заплетены в косы, покрыты платками или соломенными шляпами, кое у кого за спиной – ребенок, подвязанный шалью. У некоторых на груди крест-накрест патронташи, как у мужчин. Грязные, изнуренные работой, неотступно следующие за войсками – две из них пекли маисовые лепешки-тортильи, а на железных сковородах, брызгая маслом, жарились мясо и картошка. Мартин учуял запах, и у него свело желудок. Во рту с утра крошки не было.

– Эй, Твоюжмать! – крикнула одна из них.

Мартин подумал сперва, что она кого-то ругает, но вскоре увидел, как поднялся и отошел от своих один мадерист – пузатый, ширококостый и низкорослый северянин в остроконечном сомбреро и с неизбежными усами, нависающими над верхней губой. На рукаве своей куцей куртки он носил две красные ленточки – сержантские нашивки.

– Чем услужу тебе, донья?

– Тем, что подзовешь своих ребят, потому что мы вам сготовили кое-чего вкусенького согреть утробу.

– Понял, можешь не продолжать.

Инсургент захохотал, сглатывая слюну и поглаживая живот. Женщина уперла руки в бока, стянутые ремнем с патронташем и огромным револьвером в кобуре.

– Ну так пошевеливайтесь, а то остынет.

Инсургенты потянулись к костру, где каждый получил по две горячие тортильи и по куску мяса. Сержант уселся неподалеку от Мартина. От него несло едким потом.

– А вы, сеньор, неужто не проголодались?

Он смотрел на него с приветливым любопытством. Мартин вспомнил, что уже видел его раньше. Когда инженер взрывал бронированную дверь в «Банке Чиуауа», тот в числе других стоял поблизости, а потом, когда закладывали динамит в стену укрепления, помогал приладить бикфордов шнур. И он же первым бросился следом за майором Гарсой, когда грохнул взрыв.

– Есть немного, – признался Мартин.

Сержант упоенно жевал свою порцию, уже вымазавшую ему усы подливкой.

– Так чего же сидите? – Он облизал палец. – Сметут всё.

Мартин поднялся и направился к сольдадерам¹⁰. Та, с револьвером на боку, смотрела, как он приближается. Смуглое лицо с индейскими чертами доказывало, что в жилах ее нет ни единой капли испанской крови. Иссиня-черные, блестящие от жира волосы, заплетенные в косу, казалось, сияли на солнце. Не говоря ни слова и не сводя с него глаз, она протянула ему две лепешки с куском мяса и несколькими ломтиками картошки.

– Спасибо.

Женщина продолжала молчать и разглядывать его с любопытством. У нее были толстые губы, чуть приплюснутый нос, большие черные и очень живые глаза. Лет тридцать с небольшим, определил Мартин. А может, и меньше – в Мексике крестьянки рано старятся.

Он вернулся к сержанту и взялся за еду. Вкруговую ходил кувшин с водой, и Мартин сделал большой глоток, чтобы прочистить забитую пылью глотку. Сержант уже покончил со своей порцией и теперь, положив карабин на колени, разминал кукурузный лист с намерением свернуть самокрутку. Мартин показал ему на зевак, заполнявших американский берег. Женщины под зонтиками, дети, экипажи и даже два автомобиля.

– Вот какое представление мы для них устроили, – сказал он.

Сержант кивнул, как должное принимая это «мы».

– Пули иногда на тот берег долетают. – Он насыпал крошенный табак на кукурузный лист и свернул самокрутку. – Начальство приказало быть поосторожней, чтоб этих остолопов-гринго не задеть. Однако пуля своим разумением живет.

Мартин оглядел здание таможни и ближайшие мосты. Там стрельба почти стихла, но в центре города еще грохотало. Мадеристы держали под прицелом доступ к пограничным переходам, внимательно наблюдая за американскими солдатами, а те в свою очередь не спускали с них глаз. Прошел слух, что войска США готовы вмешаться, если события выйдут из-под контроля, и что якобы правительство Порфирио Диаса уже просило об этом американцев, которые пока ограничивались тем, что разоружали федералов, искавших убежища на их берегу.

Сидевшие под навесом пустили по рукам бутылку в ивовой оплетке. Дошло и до сержанта, который выпил, погладил себя по животу и протянул бутылку Мартину. Тот сделал маленький глоток и обжег себе гортань крепким и густым сотолом. Закашлялся, передал бутылку соседу и глубоко вздохнул, чтобы перевести дыхание. Сержант, наблюдавший за ним, улыбнулся:

– С динамитом у вас ловчей выходит, а, сеньор?

---

¹⁰ *Сольдадеры*, или *аделиты*, – крестьянки, принимавшие участие в Мексиканской революции. Как правило, они сопровождали войска, готовили бойцам еду и ухаживали за ранеными, но немало было и тех, что сами принимали самое деятельное участие в боях.

Мартин, не зная, что ответить, пожал плечами.

– А что в Испании думают обо всем этом? – спросил сержант.

Мартину пришлось повторить этот жест.

– Не знаю. Я так давно уехал.

– Ах вот как?

– Да.

Мадерист с любопытством разглядывал его.

– А сами чего думаете?

– О Мексике?

– О нашей революции.

Мартин обвел взглядом людей, сидевших вокруг. Они чистили и заряжали оружие. По выражению темных, жестоких лиц видно было, что разговор их интересует.

– Думаю, это было неизбежно.

Сержант рассмеялся сквозь зубы.

– Не поспоришь... – Он выпустил дым. – Так оно и есть. Надо покончить с хозяевами, с теми, кто правит и командует... С теми, кому выпало счастье выучиться и не стать голодранцами, как мы.

Дымящейся самокруткой он показал на своих товарищей. Сольдадера вышла из-под навеса подобрать пустую бутылку. И с ней в руке остановилась, глядя на них. По европейским канонам хорошенькой ее не назовешь, подумал Мартин, но веет от нее какой-то особенной притягательностью – грубой, плотской, почти животной. И пахло от нее, как от здешних мужчин, сильно и едко. Пóтом, порохом, землей.

– Это кто ж у нас тут такой светленький?

Сержант выпустил новый клуб дыма:

– Друг. Присоединился к нам нынче утром.

– Со Штатов?

– Из Испании, – сказал Мартин.

– А почему без оружия? – Будто не слыша его, она обращалась к сержанту. – Из пальца, что ли, по федералам стреляет?

– Он их матюгами обкладывает – это еще больней.

Все вокруг покатились со смеху. Даже непроницаемое индейское лицо сольдадеры дрогнуло в скупом подобии улыбки.

– Он взрывник, – пояснил сержант, когда смех смолк. – Инженер или навроде того.

– И много ль сеньор инженер навзрывал?

– Навалом, красавица моя, причем в прямом смысле. По нему не скажешь, он такой на вид тихий-скромный, но с динамитом управляется как бог.

– Да ладно.

– Я тебе говорю!

Она отошла к другим женщинам. Сержант пососал свою самокрутку и подмигнул Мартину:

– Ее зовут Макловия Анхелес... Бабочка дерзкая, бойкая, а когда не в духе – так просто Сатана в юбке. Не поверите, но об нее не один и не двое зубы пообломали.

Он помолчал в задумчивости, криво усмехнулся. От табачного дыма глаза его были сощурены.

– Так что вот вам добрый совет, – добавил он как бы в шутку. – Ухо с ней держите остро и подкатываться не вздумайте. Она не из тех, кто путается со всеми подряд, она подруга нашего майора Гарсы. А он не то чтобы очень ревнивый, но, сами знаете, каждый петушок свои зерна клюет.

Появился совсем юный – почти мальчик – солдатик в соломенном сомбреро, с винтовкой и патронташами на груди. Он был одновременно и в пыли, и в поту. Гачупина требуют к себе, сказал он. Взрывника испанского. Сержант осведомился зачем, и паренек ответил, что не знает. Приказали доставить – и все. Мартин поднялся и берегом реки, мимо мостов, пошел за ним. Справа от него, на юге, стоял над городом дым, слышалась ружейная стрельба, перемежаемая орудийными выстрелами.

– Как там дела?

Солдатик промолчал. Через полкилометра вниз по течению они оказались у здания железнодорожной таможни. Входили и выходили офицеры и посыльные: кто с приказами по бригаде, кто с донесениями из частей. В дверях и в коридорах толпилось множество вооруженных людей, гудели голоса, мелькали сомбреро, патронташи, револьверы, карабины. Звенели шпоры, стучали приклады о половицы, вразнобой гудели голоса. В коридоре Мартин наткнулся на неприветливого индейца, которого Вилья называл Сармьенто: сейчас тот стоял у стены и беседовал с Хеновево Гарсой, а на инженера взглянул весьма недружелюбно. Прокладывая себе путь в людской толчее, связанной с уверенностью человека, выполняющего приказ высокого начальства, ввел Мартина в комнату, где плавали клубы сигарного дыма, а по стенам висели портреты падре Морелоса¹¹ и президента Диаса, которые никто не удосужился убрать. Вокруг стола, заваленного бумагами, стояли и разговаривали четверо.

– А-а, вот и наш испанец, – при виде Мартина сказал курчавый и кареглазый крепыш.

Это был тот самый полковник Вилья. Стоявший рядом высокий, сухопарый человек с неизбежными усами на сосредоточенном лице Мартину был незнаком, а двух других он узнал по фотографиям в иллюстрированных журналах. Один – в дорожной куртке, в гетрах для верховой езды – был вождь мексиканской революции дон Франсиско Мадеро. Другой – в железных очках, в полевой форме и с пистолетом у пояса – его брат Рауль.

– Подойдите-ка поближе, дружище, – приказал Вилья.

Мартин приблизился к столу, спрятав правую руку в карман, чтобы не дрожала. Он едва скрывал волнение. Все смотрели на него: кто с любопытством, кто недоверчиво. А сам Франсиско Мадеро – вполне благодушно. Он был тонок в кости, почти хрупок и ростом ниже брата. Разглядев его вблизи, инженер заметил, что борода у него выхолена, а волосы зачесаны на очень низкий пробор, чтобы скрыть начинающуюся лысину. Несмотря на запыленную одежду и потертый воротник сорочки, он выглядел очень опрятно и даже щеголевато. И, как ни странно, от него даже пахло одеколоном.

– Эти сеньоры сказали мне, что вы оказали важные услуги нашей революции.

Мартин смотрел на него, не зная, что ответить. Его важные услуги начались всего восемь часов назад и заключались в том, что он ограбил банк и уничтожил опорный пункт федералов.

– Это честь для меня, – сказал он, только чтобы сказать что-нибудь.

– Как вас зовут?

– Мартин Гаррет.

– Это вроде не испанское имя.

– Полное имя – Мартин Гаррет Ортис.

– А-а. Вы, кажется, разбираетесь во взрывном деле.

– Я горный инженер. И... ну да, имею некоторое представление...

– Судя по тому, что мы знаем о вас, вы скромничаете, – вмешался Рауль Мадеро. – Таких людей, как вы, наперечет.

Его скошенный подбородок был гладко выбрит, а глаза глядели решительно и твердо. Улыбка располагала к себе.

---

¹¹ *Хосе Мария Текло Морелос-и-Павон* (1765–1815) – национальный герой Мексики, католический священник, возглавивший борьбу мексиканцев за независимость.

– Полковник просто превозносит вас, – добавил его брат с любезным полупоклоном в сторону Вильи. – И я благодарю вас за сочувствие к борьбе, которую ведет мексиканский народ.

Вот бы узнать, что он им наплел, подумал Мартин, покосившись на Вилью. Тут Франсиско Мадеро учтиво протянул ему руку, и Мартин поспешно вытащил из кармана свою. Пожатие оказалось на удивление слабым: вождь революции, кажется, был не склонен к энергичным телодвижениям. И его пресловутое упорство было, вероятно, свойства скорее интеллектуального, нежели физического.

– Генерал Ороско, полковник Вилья и мой брат Рауль хотят обратиться к вам с просьбой... Они сами вам расскажут.

Высокий человек с запавшими щеками оказался не кем иным, как Паскуалем Ороско, еще одним предводителем инсургентов. Под взглядом его неподвижных угрюмых глаз у Мартина закружилась голова. Утром он проснулся в своем номере от далекой стрельбы, теперь стоит перед вождями Мексиканской революции. А они, судя по всему, благодарны ему за оказанные услуги и собираются попросить о новых.

Чушь какая-то, едва ли не с испугом подумал он. Сейчас я проснусь, и все войдет в свое русло. Ничего подобного больше не будет.

– Взгляните на карту, – сказал Ороско. – Видите эти мосты?

Они склонились над столом. Там был разложен начерченный тушью подробный план города, окруженного холмами: железнодорожная ветка, арена для корриды, проспекты, площади и прочее. Позиции правительственных войск были обозначены квадратами, инсургентов – треугольниками, а прямоугольниками – мосты, которые на севере, над изгибом реки Браво соединяли мексиканский берег с территорией Соединенных Штатов.

– Гринго, обаянные своей всегдашней спесью, – продолжал генерал, – пригрозили, что вторгнутся в Мексику, если ситуация в Сьюдад-Хуаресе вызовет у них беспокойство. Нам известно, что вокруг Эль-Пасо сосредотачиваются войска и даже броневики. Если они исполнят свою угрозу, то реку перейдут здесь. Нельзя исключить и железную дорогу, по которой смогут перебросить живую силу и артиллерию к центру города... Понимаете ситуацию?

– Прекрасно понимаю.

– Мы можем отбить противника, если он попытается форсировать реку, но если двинется по мостам, попадем в очень сложное положение. И потому надо принять меры предосторожности.

– Толковый сам просыпается, бестолочь ждет, когда растолкают, – припечатал Рауль Мадеро.

– Хотите взорвать мосты?

– Пока лишь подготовить их к уничтожению, если понадобится, – сказал Ороско. – Как по-вашему, возможно это?

Мартин ненадолго задумался.

– Я видел их только издали, но думаю, что да. Однако мне надо будет осмотреть опоры, чтобы рассчитать заряды. Динамита достаточно?

– За этим дело не станет. Мы нашли несколько ящиков в федеральном арсенале, а еще сколько-то доставим с шахт в Пьедра-Чиките.

Инженер слабо улыбнулся:

– Я там работаю... Но они же закрылись. Все убежали оттуда.

– Пусть вас это не беспокоит, мы все уладим, – сказал Ороско сухо и не без раздражения. – Если предоставим вам взрывчатку в должном количестве, вы гарантируете успех?

– Думаю, что можно попробовать. Попытка не пытка.

– Я хочу, чтобы с самого начала вы уяснили вот что. Если возьметесь – попытаться мало. Надо будет сделать. Ошибки мы себе позволить не можем.

Множественное число употреблено явно из вежливости, понял Мартин. Если не выйдет, ошибки не простят не кому-нибудь, а ему.

Явно теряя терпение, вмешался Франсиско Мадеро. Достав из жилетного кармана часы, он взглянул на циферблат. Было видно, что мысли его теперь далеко отсюда.

– Генерал Ороско и мы с братом должны сейчас заняться другими делами... – Он одновременно показал Мартину на дверь и на Вилью. – Так что вверяю вас попечению полковника.

Когда те двое уже выходили, Мадеро, словно вспомнив что-то, поднял глаза от карты и улыбнулся инженеру:

– Дорогой друг, я очень вам благодарен. Обещаю, что народ Мексики не забудет тех, кто в час испытаний пришел ему на помощь.

В коридоре к ним присоединились Хеновево Гарса и зловещий индеец Сармьенто. Вчетвером они вышли на улицу. Солнце стояло еще высоко, и Мартин шурился от яркого света. За широкополыми шляпами бойцов, за головами лошадей виднелись мосты через реку.

– Слово за вами, дружище, – сказал Вилья.

Три мексиканца внимательно глядели на него. Мартин вытянул руку, показывая на мосты:

– Надо поглядеть на них вблизи. Все рассчитать, как я говорил. Вы уверены, что динамита и шнуров в достаточном количестве?

Вилья кивнул:

– Вы же слышали, что сказал Ороско.

– Ладно... Когда отправимся?

Вилья мотнул головой в сторону Гарсы:

– Майор вас сопроводит немедля. А его люди обеспечат прикрытие.

– Еще слишком светло, – возразил майор. – С того берега заметят, как мы ставим заряды.

Вилья, разглаживая усы, улыбнулся:

– Нам того и надо: пусть гринго нас увидят и почуют, чем дело пахнет для них. Пусть у них очко поиграет.

– А если кто выстрелит по инженеру?

– Ваше дело – не допустить этого.

Вилья повернулся к индейцу, который молчал и не спускал с Мартина угрюмых глаз.

– Сармьенто, не смотри ты на паренька таким зверюгой. А то даже мне не по себе.

Индеец ответил не сразу:

– Гачупинов не люблю.

– Да я тоже, но этого придется тебе полюбить. Пока, по крайней мере. – И спросил майора: – А ты любишь, Хено?

Тот криво улыбнулся:

– Я, сеньор полковник, в корень смотрю.

– Хочешь сказать, «стерпится – слюбится»?

– Бытует такое мнение.

– Ну, значит, береги его. Он хоть и чужак, но нам пригодится.

Вилья извлек из кармана серебряные часы и очень осторожно, будто боясь отломать, открыл крышку. Потом поднял глаза на индейца:

– Ну, Сармьенто... Что новенького по нашему делу?

Тот бесстрастно кивнул:

– Сейчас все уже должно быть в надежном месте.

Переносицу Вильи прорезала морщина. Он снял шляпу и рукавом утер пот.

– *Должно* быть?

Это был не вопрос, а угроза. Индеец снова кивнул:

– Будет.

– Все-все?

– Груз сопровождают надежные люди. Доставят в целости и сохранности.

– Надеюсь на это. Потому что деньжищ там – сам понимаешь. А в залог – мое слово. Революция стоит очень дорого, а нам надо отделаться от дурной славы. Вооруженный народ – совсем не то же самое, что шайка бандитов.

– Не беспокойтесь, сеньор полковник. Все будет в порядке.

Вилья со вздохом провел ладонью по курчавым, давно не мытым волосам. Видно было, что этот человек – широкоплечий, кряжистый, с мощной шеей – очень устал.

– Очень бы хотелось, братец. Хоть ненадолго перестать беспокоиться.

Солнце уже касалось горизонта, отчего холмы на западе сделались красноватыми, а тихие воды реки – ярко-алыми. Привалившись спиной к выщербленной пулями стене какой-то лачуги, Мартин сидел на земле и рассматривал американский берег, который превратился в туристский лагерь.

Почти ничего не помешало ему разместить заряды. Под прикрытием майора Гарсы и его людей он осмотрел конструкцию каждого моста, измерил объем опор и глубину, на которую они уходили в дно реки, а потом провел нужные расчеты и установил динамитные пашки, подсоединил бикфордовы шнуры так, чтобы их можно было воспламенить горячей сигарой. После этого во избежание всяких случайностей предусмотрительный Гарса поставил у каждого фитиля по два надежных бойца, приказав стрелять в каждого и любого – будь то хоть женщина или ребенок, – кто подойдет к ним ближе чем на двадцать метров.

– Лучше перебдеть, чем недобдеть, – пояснил майор.

Единственное происшествие случилось на железнодорожном виадуке, когда Мартин проверял закладку взрывчатки. Он стоял на середине моста у железных перил, а бойцы по пояс в воде прикрепляли динамит к опорам, когда появившийся с северной стороны офицер со знаками различия капитана – длинноусый, светловолосый, немолодой – спросил его на сквернейшем испанском и весьма недружелюбно, какого дьявола он тут делает:

– Это *international bridge*¹². У вас нет права здесь быть.

Мартин, который к этому времени уже очень устал и лишь хотел, чтобы все это поскорее кончилось, пожал плечами.

– Поглядите сами, – ответил он по-английски, – и вы убедитесь, что мы минируем только с нашей стороны.

– Пуостите? – не понял тот.

– Нашу сторону. Мексиканскую. Динамит только здесь, видите? Со стороны Мексики.

Капитан, словно ничего не слыша, опять заговорил на леденящем кровь испанском:

– Убирайся сию же мињют.

– Что-что?

– Что слышал. *Hurry up!*¹³

Мартин взглянул на капитана и убедился, что тот без оружия. Да, винтовки были у его солдат, но они стояли на другом берегу, не вступив на мост. Им явно был отдан приказ избегать столкновений. Инженер показал на мексиканцев поблизости – полдюжины до зубов вооруженных людей, свирепо уставившихся на офицера.

– Своих поторапливать будешь.

Капитан посмотрел на мадеристов, которые поглаживали приклады винтовок и предвкушали возможность свести счеты с янки. С юга медленно подошел Хеновево Гарса, наблюдавший за этой сценой.

---

¹² Международный мост (англ.).

¹³ Живо! (англ.)

– Что тут за шум у тебя? – осведомился он, как бы не замечая капитана.

Мартин показал на визитера:

– Да вот гринго встревожились из-за того, что мы делаем.

– Ну так мы ведь для того и делаем? Чтоб они встревожились.

С этими словами он с нагловатым спокойствием смерил американца взглядом:

– А ты, мошь белесая, можешь проваливать отсюда к той самой матери.

И в подкрепление своих слов хлопнул по прикладу своего карабина. Если даже американский капитан не понял слов, жест был недвусмысленно ясен. И все же он – Мартин видел – немного поколебался.

– Я доложу об этом *stupid atrocity*¹⁴, – сказал он напоследок.

И, повернувшись кругом, надменно зашагал по шпалам прочь. Гарса подмигнул Мартину как сообщнику:

– Пусть докладывает, скотина, и пусть знает, что с нами надо поосторожней.

И сейчас, прислонившись к кирпичной стене и вытянув ноги, Мартин улыбался при воспоминании об этой сцене. Он сделал свою работу – мосты через Браво заминированы, и теперь только оставалось надеяться, что поджигать запалы не придется. У революции появилась еще одна причина быть ему благодарной. Хеновево Гарса выразил свою признательность тем, что дружески похлопал его по плечу:

– Молодцом, инженер! В этих делах с динамитом ты дока!

Сейчас его оставили в покое. Майор и его люди ушли по своим делам, а Мартин отдыхал и, снова впад в сомнения, пытался представить себе свое ближайшее будущее. В отдалении трещали выстрелы – бой продолжался, хотя и угасал вместе со светом дня. Иногда мексиканцы, сидевшие поблизости, начинали обсуждать подробности боевых действий – удачное наступление на южные и восточные кварталы, отбитый у федералов берег, ущерб, причиненный их артиллерией и пулеметами, медленное продвижение по проспекту Хуареса к казармам и арене для боя быков, огромные потери с обеих сторон. Три с половиной тысячи федералов генерала Наварро дрались отчаянно и отступали с боем, огрызаясь, как затравленные койоты.

У мостов все было тихо. Повсюду валялись груды гильз, пустые пулеметные ленты, окровавленные бинты, вскрытые прикладами патронные ящики, но в других местах перестрелка не смолкала. Инсургенты лежали на земле, сидели, не выпуская из рук оружия, жалобно стонали раненые, молчали, уже ни на что не жалуясь, убитые, как попало сваленные в канавы, сновали взад и вперед женщины с кувшинами воды. Ни капли спиртного, отметил Мартин. После первоначальной неразберихи неукоснительно стали выполняться приказы генерала Ороско и полковника Вильи: того, кто пойдет в бой пьяным, расстреливать на месте.

С берега, уже окутанного сумерками, приближалась к нему странная пара, по виду не мексиканцы. Мужчина был в штанах цвета хаки, крагах, старой синей рубашке с засученными рукавами, в шляпе армейского образца, такой же, как у капитана, пререкавшегося с Мартином на мосту. Гладко выбрит, если не считать длинных рыжеватых бакенбардов. Поперек груди холщовый патронташ, у пояса револьвер, в руках помповое ружье. Странно было, что этот типичный англосакс так свободно чувствует себя среди мексиканцев-мадеристов. Впрочем, Мартин слышал, что на севере страны воюют иностранцы, которых называют флибустьерами или как-то в этом роде. Волонтеры, наемники или просто искатели приключений, пожелавшие принять участие в революции.

Женщина производила еще более странное впечатление. Она была молода – немного за тридцать. Из-под подола серого клетчатого дорожного костюма, выпачканного грязью и пылью, выглядывали сапоги из грубой кожи, тоже очень грязные. Под мышками Мартин заметил темные круги от пота. Черноволосая, большеглазая, высокая и тонкая, с изящной фигурой, под-

---

¹⁴ Здесь: произвол, беззаконие (англ.).

черкнутой узким лифом. Волосы собраны в узел на затылке и стянуты полуразвязавшимся бантом, через плечо – дорожная сумка «Гладстон». Низкорослые мексиканки в заношенных шалях, брошенных на лоснящиеся от жира косы, смотрели на нее, как на диковину, и обращивались ей вслед.

Мартин продолжал разглядывать их, покуда они не приблизились вплотную. Первым заговорил мужчина.

– Вижу, вы не здешний, – очень непринужденно начал он.

По-испански он говорил чисто, хотя и с акцентом. Тень легла на лицо Мартина. Он взглянул на женщину, а потом на ее спутника.

– Да и вы тоже.

Подошедший заметил на земле кем-то брошенную флягу, сделанную из выдолбленной тыквы-калабасы, и спросил:

– Не возражаете?

– Нет, конечно. Тем более, что вода не моя. Да если бы и моя...

Мужчина улыбнулся, медленно и устало. Потом присел на корточки, положив рядом, чтобы было под рукой, свое ружье – «ремингтон» 12-го калибра. Снял шляпу; коротко остриженные, рыжеватые кудрявые волосы были мокры от пота. Подобрал калабасу и, вынув затычку, протянул сперва своей даме. Та достала из кармана складной серебряный стаканчик, наполнила его водой и поднесла к губам, не обращая ни малейшего внимания на мадеристов, с любопытством глазевших на происходящее.

Мартин поднялся. Мужчина меж тем, закинув голову, сделал крупный глоток, потом поставил флягу на землю и подобрал свое ружье.

– Меня зовут Том Логан. Я из Штатов.

С этими словами он протянул инженеру руку. Приветливо улыбнулся: от углов серо-стальных глаз разбежались морщинки. Мартин пожал узкую сильную кисть.

– Мартин Гаррет.

– Вы испанец?

– Да.

Инженер перевел глаза на его спутницу, которая не произнесла ни слова. И, убрав стаканчик в сумку, смотрела на Мартина безразлично. У нее тоже был усталый вид. Он заметил, что не только костюм ее под мышками вымок от пота – бисер испарины блестел на лбу и над верхней губой.

– Вы с ними? – показал рыжий на мексиканцев по соседству.

Мартин на миг замялся. Сказать обо всем вслух оказалось не так-то просто.

– Похоже, что так, – выговорил он наконец.

В глазах американца сверкнула искорка любопытства.

– «Похоже», вы сказали?

Мартин промолчал. Логан обернулся к своей спутнице, чтобы убедиться, что и она разделяет его удивление, но та по-прежнему хранила молчание.

– Я вот у мадеристов со дня сражения при Касас-Грандес, – сказал он.

– А я – всего лишь одиннадцать часов, – улыбнулся Мартин.

– В самом деле?

– Верьте слову.

Американец рассмеялся чистосердечно и заразительно, показав зубы, заслуживающие определения «лошадиные».

– Что ж... Как здесь говорят, «лучше поздно, чем никогда».

Он переложил ружье из одной руки в другую, огляделся, словно бы не мог решить, идти ему дальше или нет.

– Позвольте представить... Мисс Палмер. Журналистка из «Нью-Йорк ивнинг джорнал».

Женщина наконец протянула Мартину руку:

– Диана Палмер.

На пальцах с коротко подстриженными ногтями не было колец, а рукопожатие вышло быстрым и крепким. Теперь Мартин увидел вблизи ее угловатое лицо: высокие скулы, глаза цвета корицы, отблескивающие на свету соломенно-желтым. В ее привлекательности была почти мужская жесткость – и ни капли смазливости.

– Вы говорите по-испански? – спросил он.

– Свободно.

Солнце село, и все вокруг из красного сделалось серым. Под мостами широкой лиловой лентой струилась река. Стрельба стихла, как будто ей отдал приказ померкший дневной свет. Женщины на берегу принялись раскатывать тесто для лепешек и собирать хворост. На одном берегу стоял погруженный во тьму Сьюдад-Хуарес, на другом сиял огнями, как в Рождество, Эль-Пасо.

Человек, назвавшийся Логаном, посмотрел по сторонам и показал на лачугу стволом ружья:

– Там есть кто-нибудь?

Никого нет, ответил Мартин, это убогое жилище с земляным полом разграблено и пусто. Американец переглянулся со своей спутницей, и та кивнула.

– Вроде бы недурное местечко для ночевки, – сказал он.

Сеньор дон Франсиско Игнасио Мадеро не хотел штурмовать город, сказал Хеновево Гарса. Не хотел, но пришлось. Он считал, что Сьюдад-Хуарес слишком хорошо укреплен, а потому намеревался обойти его и продвигаться к югу. Однако у Паскуаля Ороско и Панчо Вильи еще после резни в Серро-Прието были свои счеты с генералом Наварро. А потому они, договорившись, затеяли перестрелку с федералами, чтобы под предлогом помощи своим завязать серьезный бой. И хотя Мадеро пришел в ярость оттого, что не исполнили его приказ, ему ничего не оставалось, как в соответствии с поговоркой бухнуть в котел все мясо. Но, увидев, что дело прошло удачно, он просто возликовал. До победы теперь было, как говорится, рукой подать.

– Мадеро – великий человек, хоть и предпочитает все решать миром, – подвел итог Гарса. – Так что его не грех иногда и подтолкнуть, чтобы вспомнил, что он мужчина.

Майор говорил, сидя у костра, и ел приготовленные Макловией тако¹⁵ с сушеной говядиной и фасолью. На ужин были приглашены Мартин и американская пара, потому что майор знал Тома Логана с тех самых пор, как американец присоединился к инсургентам. Кроме того, Гарсе, как и всем, любопытно было взглянуть на женщину, которую сопровождал янки. Два дня назад она пересекла реку и явилась в штаб за разрешением отправлять репортажи в свою нью-йоркскую газету, а Мадеро, как человек галантный и к тому же заинтересованный в том, чтобы в Штатах правильно воспринимали Мексиканскую революцию, позволил ей сопровождать войска.

– Видать, у вас там с яйцами совсем никого не осталось, раз шлют в такое место бабу, да притом одну.

– Я не одна. – Она показала на Логана, на самого майора и на тонувшие во тьме или подсвеченные пламенем костров фигуры всех, кто сидел или лежал поблизости. – Меня защищает все ваше воинство.

– Ладно-ладно, сударыня моя, – польщенно улыбнулся майор.

Они сидели у огня, потому что после дневного зноя вечером стало довольно свежо. Вокруг угадывались во тьме бесформенные силуэты: бойцы кутались в одеяла и шерстяные

---

¹⁵ Тако – кукурузные лепешки, свернутые трубочкой.

плащи-сарапе, жались поближе к кострам, красными точками усеявшим черноту равнины до самого берега. Диана показала на Макловию, которая, не сняв патронташи и кобуру, стояла на коленях перед железной сковородой, калившейся на углях, и поджаривала в брызжащем масле фасоль и полоски мяса, прежде чем завернуть их в тако.

– Видите, не я одна ввязалась в это дело. Только я ведь здесь, так сказать, в гостях. У меня обратный билет в кармане. У ваших женщин такой возможности нет.

Макловия, продолжая стряпать, не подняла головы от сковороды и никак не отозвалась. Майор, жуя тако и вытирая пальцы о рубаху, кивнул одобрительно:

– Сказанула, а?.. Ну молодчина, гринга! Круто сварена! Всем взяла! Разве что не в штанах.

Диана, смеясь, показала на свою юбку:

– Наверно, я должна принять это как комплимент.

– Как что? – не понял майор.

– Ну, как похвалу, – со смехом пояснил Логан.

– А-а, ну да. Самая она. Но конечно, куда ей против моей старухи. – Он с гордостью показал на безмолвную солдадеру.

Американцы стали спрашивать, как Мартин оказался среди революционеров, и Хеновево рассказал им про харчевню «Червовый туз», про динамитные шашки, будто потеющие нитроглицерином, и про то, как едва ли не силой призвал под свои знамена горного инженера. О банке он не упомянул и словом, зато с похвалой отозвался о взорванном укреплении и заминированных мостах.

– И что же, сеньор инженер останется с вами?

– Не знаю. Спросите его самого, благо он перед вами собственной персоной.

Мартин заметил, что Диана Палмер с любопытством разглядывает его. Рассказ майора она слушала с легкой и, быть может, немного иронической улыбкой.

– Я это обдумываю, – сказал он.

– А как же ваши шахты? – поинтересовался Логан.

Из гнезда на патронташе он достал горсточку марихуаны, лоскуток бумаги и ловко, поковбойски, то есть на колене, свернул самокрутку. Мартин развел руками:

– Они закрыты.

– Непохоже, чтобы вас это сильно огорчало.

– Сам не знаю... Я, по правде сказать, немного растерян.

Диана Палмер съела один тако. Сходила в лачугу за шерстяной шалью, вернулась и укутала ею плечи. И наконец заговорила.

– Ну и как здешние шахты? – спросила она безразлично. – О них отзывы не самые восторженные.

Мартин, засмотревшись на двойной отблеск костра в ее глазах, ответил не сразу:

– Я знаком с тем, как эксплуатируются шахты в Испании, во Франции, у вас в Штатах. Нигде это не рай земной. Но здесь работа особенно тяжелая и опасная: взрослые мужчины и почти дети рубят уголь на глубине сотен метров, иногда по пояс в жидкой грязи, а если случится обвал или взорвется рудничный газ, они будут заживо погребены под землей. Дышат пылью среди камней, земли и тьмы... В этом мире приятного мало.

– Но вы тем не менее избрали горнорудное дело своей профессией. – Американка продолжала изучающе рассматривать Мартина. – Вам нравится то, чем вы занимаетесь?

Он кивнул. Рудное дело – совершенно необходимый экономический ресурс, и кто-то должен развивать его и совершенствовать. В будущем условия труда, без всякого сомнения, изменятся к лучшему. Будут внедрены современные методы.

– Короче говоря, труд шахтеров нужно облегчить. И развитие техники предоставляет такую возможность, и я по работе своей просто обязан знать и применять эти усовершенствования.

– Но почему в Сьюдад-Хуаресе?

– Я служу в одной испано-мексиканской компании, вот меня и отправили сюда.

– Руководить?

– Нет, что вы. Я рядовой инженер в Пьедра-Чиките. Управляющий – мексиканец, он исчез, когда началась эта заваруха.

Тут вмешался Гарса, который чистил свой карабин, положив его на колени. Он снова и снова двигал затвором, выбрасывая патрон за патроном, покуда все они не заблестели на подстеленном у ног плаще.

– Шахты, – сказал майор, – как и земли, украли у народа тузы и шишки и их приспешники-адвокаты. У нас в Мексике говорят: у кого сиська есть, того и сосут. Вот потому-то, поймите, мы и затеяли эту революцию. Мы всех хозяев-кровососов изведем, этой падалью стервятников до отвала накормим.

– Боюсь, до истинных хозяев вам не дотянуться.

Гарса только пожал плечами. Потом, убедившись, что патронник пуст, продул ствол и тряпочкой, намотанной на шомпол, принялся его чистить.

– Может, и так, а может, и не так, но кое-кому достанется. Как говорится, не все коту масленица... – Он обратился к Мартину: – Вот этого вашего управляющего его же работяги, небось, в клочья разорвали, а?

Инженер улыбнулся. Управляющий по имени Панфило Кастильо исчез еще до приближения инсургентов, прихватив все деньги из кассы.

– Сомневаюсь. Он не из тех, кто будет сидеть и дожидаться. Наверняка уже в Эль-Пасо, целый и невредимый. Ну а представитель компании – тот живет в Мехико.

– А вы чего же не уехали? – спросила Диана.

– Сам не знаю, – ответил Мартин, подумав. – Из любопытства, наверно.

– А вы откуда родом?

– Из Линареса, есть такой городок в Андалусии.

– А откуда такая фамилия – Гаррет?

– От прадедушки-англичанина.

Диана слегка кивнула:

– Я знаю Андалусию – Севилья... Малага... Была там, когда путешествовала по Европе.

– Отец у меня был мастером на шахте. Скопил кое-что и смог дать мне образование. Потом, когда я поработал и освоился, компания решила отправить меня сюда.

– Вы, наверно, отлично разбираетесь в своем деле, если на такого молодого человека взвалили такую ответственность.

Смазав маслом магазинную коробку и тщательно протерев патроны, майор собрал карабин и вмешался в разговор:

– Отлично – не то слово! Дока! Видели бы вы, как он с динамитом управляется, – любо-дорого взглянуть.

С берега доносился лягушачий хор. Поблизости кто-то перебирал струны гитары. Потом послышались голоса: сперва один – Мартину показалось, что он узнал давешнего сержанта, – потом подхватили другие, и они слились в хриловатый меланхолический мужской хор:

От травы плодов не будет,
В небе булки не висят,
А у крысы сисек нету —
Чем же ей кормить крысят?

На этом берегу Браво небо у них над головами, над темным городом, было усыпано звездами. Мартин взглянул вверх. Там туманно светился бесконечный Млечный Путь.

– А теперь что будете делать? – спросил Том Логан, раскурив сигаретку от уголька.

Мартин не ответил. Не ответил, потому что и сам не знал. Вместо него высказался Гарса:

– Что он будет делать – это его дело, конечно. Но я надеюсь, останется с нами. А, инженер? Хотя ты и гачупин, станешь нашим, примем как своего, честь по чести.

– Не знаю, – выговорил наконец Мартин.

В пляшущем свете пламени улыбка на лице Логана казалась угрюмой.

– Вот не повезет, если пуля прилетит, прежде чем вы все обдумаете.

– Судьба... – философски заметил Гарса. – Стрелок палит, а Господь велит.

Мартин заметил, что Диана Палмер, достав из кармана блокнот в клеенчатом переплете и карандаш, что-то записывает. Он не знал, касается ли это его, но замысел ему не понравился.

– Мне бы не хотелось, чтобы мое имя упоминалось в ваших статьях, – сказал он осторожно. – Думаю, вы понимаете мою ситуацию.

Она подняла на него глаза, лишенные всякого выражения:

– Разумеется. Не беспокойтесь... С чего бы мне упоминать ваше имя? – Она показала карандашом на Гарсу, Макловию и ближайшие костры. – По сравнению с ними со всеми вы – пренебрежимо малая величина.

3

Золото полковника Вильи

Бои за Хуарес возобновились на рассвете, и судьба правительственных войск была predetermined. Тюрьма, таможня, арена для корриды еще до полудня перешли в руки инсургентов. Тем не менее части генерала Наварро сопротивлялись отчаянно, дорого продавая каждую пядь земли, которую им приходилось уступать. Пулеметы и орудия, защищавшие последние федеральные укрепления, выкашивали атакующих. И большая убыль в людях, которую правильной было бы назвать бойней, вынудили командование снять отряд майора Гарсы с мостов, перебросить к центру города и пустить в бой.

– Мы уходим отсюда, инженер, – сказал Гарса, крест-накрест надевая патронташи, где все гнезда были заполнены. – С нами пойдешь или останешься?

– У меня есть выбор?

– Разумеется, есть. С нами пойти или ждать, когда вернемся. Ты все выполнил в лучшем виде и имеешь право выбирать.

Мартин задумался, не зная, на что решиться. Он смотрел на реку, на мосты, на американский берег, где любопытных собралось еще больше, чем вчера. И на сваленные в ближайшую канаву, уже почерневшие трупы, над которыми в неимоверном количестве вились мухи, на раненых в грязных бинтах, вповалку лежавших кто где и не получавших никакой помощи, кроме воды, которую черпали из реки и приносили им товарищи, да навеса, устроенного из тростника, палок и одеял. Журналистка и сопровождавший ее наемник ушли еще на рассвете, не простившись. Все это привело Мартина к мысли, что тут не лучшее место для ожидания.

– С вами пойду.

– Тогда держи. – Гарса, довольный его решением, протянул ему маузер и снятый с убитого патронташ. – Пользоваться умеешь?

Мартин ощупал карман, где лежал его револьвер.

– Спасибо, своим обойдусь.

– Тогда шевелись, мы и так задержались.

Инсургенты – в разномастной обтрепанной одежде, грязные, обросшие щетиной, но сверкая вычищенной сталью винтовок и карабинов – двинулись вперед. По их лицам можно было судить, чего стоили эти два дня непрерывных боев. Около сотни человек продвигались вдоль трамвайной колеи по проспекту Хуареса, прижимаясь к стенам домов. Время от времени попадались убитые в синей или песочной форме федеральной армии, а также трупы мадеристов или мирных жителей, попавших между двух огней. На открытых участках их встречали разрозненные выстрелы, на которые они отвечали залпами, и тогда над стволами винтовок спиралями вились дымки. Только одному из всех на перекрестке угодила в шею разрывная пуля, и он упал, меж тем как его товарищи шквальным огнем разнесли окно, из которого она прилетела. Потом ворвались в дом и выволокли оттуда двоих окровавленных, избитых до полусмерти руралес¹⁶ в короткополых курточках-чарро¹⁷ и узких брюках, обшитых по шву серебряными пуговицами.

Хеновео Гарса показал на телеграфные столбы:

– Вздернуть обоих сию же минуту. Чтоб знали, как губить христианские души.

Приказ был исполнен. Когда инсургенты двинулись дальше, оба полицейских еще покачивались на столбах.

---

¹⁶ *Руралес* (исп. «сельские») – конная сельская полиция, действовавшая в Мексике в 1861–1914 годах.

¹⁷ *Чарро* (charro) – мексиканский наездник; его традиционный, обессмерченный кинематографом костюм включает в себя вышитый жакет, узкие брюки и широкополую шляпу сомбреро.

– Эти мрази еще хуже армейских.

Мартин, чувствуя, как стучит кровь в висках, смотрел на все это в ошеломлении. Вдыхал запах пороха и пота, которым были пропитаны люди вокруг него, пожирал глазами каждое мгновение, каждый эпизод, каждое движение. Едва ли не с научным интересом слушал посвист шальных пуль, высчитывал дистанции, узнавал калибры, определял траектории, привязывая их к тому месту, которое занимал в этой странной ситуации он сам. Техническая жилка, инженерное мышление заставляли его одновременно ужасаться и восхищаться, от происходящего захватывало дух и сердце билось чаще. Он знал, что такое опасность и непредсказуемость, караулящие под землей, в шахтах, но то был профессиональный риск, неотделимый от работы, а здесь и сейчас все было иначе. Никогда прежде не воспринимал он насилие, жизнь и смерть, отрицавшие или, наоборот, допускавшие друг друга, как сложную геометрическую систему прямых и кривых линий, как двусмысленную игру случая, мелькнувшего в хаосе войны. А хаос этот, изумленно понял он, лишь кажущийся. Внутри его и вопреки ему существовали правила, своей неумолимой прочностью подобные стальной нити. Здесь, под солнцем над Сьюдад-Хуаресом, среди разрывов и выстрелов действовали законы космоса.

Хеновево Гарса время от времени поглядывал на него.

– Ну как, инженер?

– Все в порядке.

– Слушай меня – и жив останешься, понял? Эти твари-федералы дерутся как черти.

Добравшись до проспекта 16 Сентября и здания таможни, они свернули направо. Вдалеке поднимался к небу густой черный дым – горели разграбленные магазины «Кетельсен & Дегетау». Еще одно облако стелилось над выбеленной колокольной Пречистой Девы Гваделупской, возвышавшейся в отдалении над плоскими крышами, откуда вели плотный огонь стрелки-федералы. Там бой шел с особым ожесточением: время от времени рвались гранаты, разбрасывая впивавшиеся в стены осколки, а с баррикады, сложенной из шпал и мешков с землей, бил вдоль улицы пулемет.

– Вперед, ребята, вперед! – кричали командиры. – Не трусь! Они уже дрогнули, надо их по шляпку в землю вбить!

В том, что это не так, Мартин мог убедиться собственными, воспаленными от пороха глазами. Никто не дрогнул. Мадеристы сбивались кучками на углах и в подворотнях, высывались из-за стен, чтобы выстрелить, юркнуть назад и перезарядить оружие. После каждой безуспешной атаки прибавлялось тех, кто, подобно куче грязной ветоши, валялся на мостовой, а вокруг шелкали, взвихривая пыль, шальные пули. Раскалившиеся стволы карабинов пахли жженой тряпкой.

– Берегись! Пригнись!

Прошелестел в воздухе и разорвался над ближайшим домом снаряд, выбросил из желтого, пахнущего серой облачка десятки стальных, сверкающих на солнце осколков, и они застучали по крыше и стенам. За ним второй и сразу же третий. Люди стали жаться друг к другу, ища спасения от этого губительного града, но не всем это удалось. Двое упали, обливаясь кровью. Мартин отступил и нашел себе убежище у ближайшей крытой галереи. Там, среди разбитой в щепки мебели, грязной утвари, обрывков бумаги, битой фаянсовой посуды очень спокойно сидел на колченогом стуле сержант Твоюжмать и, обходясь без посторонней помощи, одной рукой перевязывал платком другую, раненую.

– Пустяк, царапина, – сказал он, перехватив взгляд Мартина.

Испытывая жгучую жажду, тот сунулся в разграбленный дом, но воды там не нашел. В патио, возле колодца, он увидел полковника Вилью и его людей, с ног до головы обвешанных оружием.

– О-о, глядите-ка, – сказал полковник. – Вот и наш инженер.

Усталая улыбка осветила его лицо, на котором пот, смешанный с пылью и землей, будто охрой выкрасил разбойничьи усы, брови и курчавые растрепанные волосы. Сомбреро свое Вилья подвесил на кобуру, а большие пальцы заложил за ременный пояс.

– Пришли вместе с Хеновео Гарсой?

Мартин объяснил, что майор со своими бойцами остался снаружи, на улице, и Вилья послал за ним. Инженера он разглядывал с задумчивым интересом.

– А здесь что потеряли?

– Воду хотел найти.

– Да я не о том, а о перестрелке.

– Майор пошел, а я за ним.

– По собственной воле?

– Никто меня не принуждал.

Полковник показал на флягу, которая висела на стволе его карабина, прислоненного к закраине колодца.

– Пейте, только не всю, оставьте малость и мне. Колодец пуст.

– Спасибо.

Мартин жадно отпил немного, подержал воду во рту, прежде чем проглотить. Когда обернулся, майор Гарса уже стоял в патио.

– У нас тут сложности с опорным пунктом, – сказал ему Вилья. – Федералы, можно сказать, начистили нам рыло.

– И что будем делать, сеньор полковник?

– Надо взгреть их в ответ. Хорошо ли это – в долгу оставаться?

С этими словами он посмотрел на Мартина, и майор сделал то же самое.

– Каков оказался наш гачупин?

– Старается, не трусит. Ведет себя по-мужски.

– В самом деле?

– Сам пошел с нами.

– Да, он сказал.

Вилья провел ладонью по лицу. Под слоем грязи проступила двухдневная щетина. Он еще немного подумал, а потом знаком позвал Мартина к себе.

– Возникла тут у нас одна заковыка... И может быть, ваша милость поможет с ней справиться.

Взяв у одного из своих людей книжицу и огрызок карандаша, он послунил его и начертил план улицы. Возле Миссии Гваделупе поставил крестик.

– Федералы загородили нам дорогу. Укрепились, засели, поставили заику этого...

– Кого, простите?

– Да «гочкис», пулемет, чтоб он пропал. А за ним пушку, что гвоздит разрывными. Мы несколько раз ходили в атаку, однако ж откатывались. Надо придумать, как бы эту баррикаду разнести к чертовой матери.

Он поднял глаза на Мартина и всем своим видом показал, что с этой минуты решать задачу предстояло ему, и никому больше.

– Ну как, дружок? Справишься?

Инженер понял не сразу. А когда до него дошло – растерялся. Под ложечкой возникла сосущая пустота.

– Не знаю, сумею ли...

– По словам моего майора Гарсы, до сих пор умел.

Мартин подумал еще немного.

– А материал есть?

– Можешь не сомневаться!

Вилья показал в угол патио, где сложены были два ящика динамита, мотки запальных шнуров, веревки и проволока. Мартин подошел, присел перед ними на корточки. Заряды по виду были в хорошем состоянии, стопина и шнуров было достаточно. Он поднял голову, взглянул на полковника, стоявшего рядом:

– Это вам обойдется еще в один глоток воды.

Вилья жизнерадостно расхохотался, показал на флягу:

– Пей вволю... А если вправду сумеешь истребить этих сволочей, я лично возьму кувшин и принесу тебе воды из Браво.

На другой стороне улицы горело почтовое отделение, окутанное облаком черного дыма, в котором парил и оседал на тротуары пепел. Укрепление федералов было не遠де, на Пласа-де-Армас, у подножья невысокого холма, где стояла Миссия Гваделупе. Ближайший дом был метрах в тридцати, но добраться до него можно было только ползком или сильно пригнувшись.

Растянувшись на земле, Мартин не видел пушку федералов, бившую вдоль проспекта 16 Сентября, но зато слышал, как после каждого выстрела ее снаряды с воем проносились у него над головой и рвались позади, на передовых позициях инсургентов, а вот пулемет, а вернее, вспышки его очередей через бойницу, проделанную между шпалами и мешками с землей, виднелись как на ладони.

– До сих пор были цветочки, – сказал Хеновево Гарса.

Прижавшись друг к другу, они лежали под прикрытием полуразрушенной ограды. Когда пули проходили высоко над головой, казалось, что воздух стегает стальной проволокой, а когда стрелки понижали прицел, пули ударялись в ветхую кирпичную стену, кроша и расковыривая ее еще больше. И кусочки сухой глины пролетали над головами двоих людей, замерших в ожидании.

– Ах, твари, ах, сукины дети... Заткнется этот пулемет когда-нибудь или нет?

Мартин, хоть и снял шляпу и пиджак с револьвером в кармане, чувствовал, что весь взмок. Рубашка под расстегнутым жилетом прилипла к телу, и он ежеминутно вытирал со лба капли пота, заливавшего глаза. Безжалостное солнце отвесными лучами било в затылок, отчего казалось, что мозг горит, а язык будто смазали клеестером – так он присох к нёбу.

– Опаздывают, – сказал он нетерпеливо.

– Спокойно, дружище. На все нужно время.

Мартин снова проверил мешок, который перевесил на грудь. В мешке было четыре килограмма динамита. Шашки он разложил по шесть штук в два пакета, стянул веревкой и проволокой, вставил в каждую детонатор, соединил с огнепроводным шнуром длиной примерно полметра. Если все в порядке, от воспламенения до взрыва пройдет сорок секунд. Это будет в самый раз. Времени хватит, чтобы, заложив заряд, успеть убежать, если, конечно, пуля федерала не догонит.

За спиной, с позиций мадеристов, наконец затрещали выстрелы. Пули градом защелкали по деревянным стенам укрепления, заставив федералов слегка сбавить темп стрельбы. Полковник Вилья сдержал свое слово. Подползите докуда только сможете, как нельзя ближе. А уж как станет в самом деле нельзя, мы вас прикроем огнем.

– Давай, инженер, – сказал Гарса. – Перед смертью не надышишься.

С этими словами он ободряюще хлопнул Мартина по спине, а сам привстал, подставляя себя под огонь, приник щекой к прикладу и начал стрелять по федералам. Мартин в это время, пригнув голову, уже полз на локтях и коленях к пересохшей оросительной канаве, позволявшей добраться до баррикады относительно безопасно. За спиной гремели выстрелы, прикрывавшие его, пули пронзительно жужжали над головой, отвлекая федералов. Так он дополз до конца канавы, где можно было укрыться за бетонным пилоном. К этой минуте Мартин был уже насквозь мокр и сплошь вымазан грязью, в которую собственным потом превратил землю.

Он понял свою ошибку, когда осторожно выглянул из-за пилона. От его укрытия до баррикады оставалось метров пятнадцать пустого пространства – больше, чем казалось, когда смотрел из-за стены. Оттуда, где он лежит сейчас, мешок с динамитом никак не подтащить к самой баррикаде и не перебросить через нее. Слишком далеко. Для этого надо встать и бегом одолеть эти пятнадцать метров. И как ни старайся отвлечь федералов, те наверняка заметят его.

Страх, словно кулаком, бил его в живот и в пах, лишал самообладания. Отовсюду гремели выстрелы, а громче всего – у него за спиной, где Гарса размеренно посылал пулю за пулей. Инстинкт самосохранения требовал, чтобы Мартин распластался на земле под защитой этого пилонa и носу не высовывал оттуда до конца жизни, сколько бы той жизни ни оставалось. Он дышал глубоко и часто, стараясь, чтобы дыхание выравнилось, а в голове прояснилось.

Что я тут делаю, ошеломленно твердил он про себя. Какого дьявола я тут забыл, если родился в Линаресе?

Миг спустя, немного придя в себя, он через голову снял мешок и вытащил кончик огнепроводного шнура. Дрожащими руками достал из кармана зажигалку. В мокрых от пота пальцах колесико скользило и прокручивалось вхолостую. Наконец удалось высечь искру, и желтый шнур затлел, пуская едкий острый дым. Он приладил шнур, еще раз глубоко вздохнул, стиснул зубы и поднялся. Ему очень бы хотелось сейчас верить в Бога, помолиться о чем-нибудь, но это был не тот случай.

Как вспугнутый зверь, он бросился вперед – слепо и бездумно. Пять широких шагов туда и столько же обратно. Федералы, без сомнения, заметили его, но сосредоточенный огонь инсургентов не давал им поднять головы и прицелиться толком. Правую скулу Мартина вдруг что-то обожгло, словно ее задел пролетающий мимо овод. Размахнувшись так сильно, что едва не вывихнул себе плечо, он швырнул мешок как можно дальше. Пули, отыскивая его, посыпались вокруг чаще, когда динамит еще был в воздухе, но вот он перелетел через бруствер и упал на землю по ту сторону баррикады, а Мартин метнулся назад, под защиту бетонного пилонa, и прыгнул в канаву, так тяжело ударившись оземь всем телом, что показалось, будто он переломал себе все кости.

Он закрыл ладонями затылок и тут услышал взрыв – глуховатый и резкий, – от которого вздрогнула земля, а по барабанным перепонкам и по легким ударил воздух, сгустившийся до плотности дерева или камня. Все звуки внезапно исчезли, а с безмолвного неба посыпались обломки шпал, камни, комья земли, и все заволочло дымом, пахнувшим обугленным деревом и серой.

Мартин, оглохший и ослепший, неподвижно лежал вниз лицом, все еще закрывая затылок, вдыхал и выкашливал пыль и не вполне понимал, жив он или мертв.

Полковник Вилья с довольным видом разглядывал пленных федералов. Они стояли, сидели, лежали, кто стонал и причитал, кто уже кончался. Все были в грязи и пороховой копоти. Большинство, отметил Мартин, молодые парни явно крестьянского вида, многие – с индейскими чертами лица: пушечное мясо, жертвы воинской повинности, которых помещики сдали в армию, избавляясь от самых строптивых или самых никчемных работников-пеонов. Те, кто мог держаться на ногах, сбились в кучу как овцы, боязливо ежились под стволами мрачных мадеристов, вытряхивавших у них из карманов все их скудное достояние. Отдельно стояли четверо или пятеро руралес и несколько армейских офицеров. Среди них был бородастый майор с перевязанной головой. Рукав его синего френча был оторван, руки покрыты корой буровой запекшейся крови.

– Эту тварь поганую зовут Сантос Аумада, – сообщил Вилья. – Эта мразь поклялась однажды, что, если попадусь к нему в руки, висеть мне на суку, вывалив язык... Это он повесил моего кума Мелькиадеса Лопеса и восьмерых его людей, а сперва приказал содрать им кожу со ступней и целый день водить по горам.

Он мстительно улыбался, как улыбалась бы, если бы умела, пума, нагрянувшая в козлятник. Мартин, стоявший рядом с Гарсой и прочими мадеристами, видел, как Вилья надвинул на лоб сомбреро, стряхнул пыль с одежды и медленно направился к майору, а тот при виде его попытался выпрямиться, хотя видно было, что от потери крови ослабел. Он оперся о плечо соседа. Разговора их Мартин не слышал, но и без слов все было достаточно красноречиво: Вилья говорил спокойно и неторопливо, не сгоняя с лица легкой улыбки, зловещей и многообещающей, офицер же отвечал односложно и вообще вел себя так безразлично, словно заранее смирился со своей участью и никаких по поводу ее иллюзий не питал. Вилья повернулся кругом и уже сделал несколько шагов прочь, но тут вдруг как будто передумал, потому что вернулся к пленному, вытащил револьвер и выстрелом снес тому полчерепа. Майор рухнул наземь, к ногам своих испуганных спутников. Вилья же хладнокровно, нисколько не переменявшись в лице, спрятал дымящийся револьвер в кобуру, подошел к Мартину, Гарсе и остальным.

– Офицеров расстрелять, – приказал он. – А руралес развесить на фонарях, чтобы вороны им глаза выклевали.

Он обвел взглядом все вокруг и остался доволен увиденным: укрепление разрушено, пушка и пулемет – в руках его людей, федералы перебиты или взяты в плен, земля блесит россыпями бесчисленных гильз, фасады домов покорябаны пулями. Под облаком дыма, стелющегося над горящей почтой, все было теперь спокойно и тихо. Стрельба, долетавшая теперь оттуда, где еще шел бой, постепенно слабела и замирала. Сюадад-Хуарес перешел в руки революции.

Вилья улыбнулся Мартину, и эта улыбка была совсем не похожа на ту, которую он несколько минут назад, как смертный приговор, послал Сантосу Аумаде. Нет, улыбнулся дружески и благодарно.

– Молодчина, превосходно справился. Я наблюдал в бинокль отсюда. В лучшем виде разделал и поджарил.

Мартин не знал, что сказать на это. Ноздри у него были забиты пылью и пороховой гарью, а сам он еще не отошел от опьянения боем и плохо соображал, словно его разбудили посреди дивного сна. Тем не менее похвала Вильи была ему приятна. Он машинально прикоснулся к правой скуле, которую сильно щипало, и увидел на пальцах кровь.

– Камнем ударило или пульей задело? – заботливо спросил Вилья.

– Сам не знаю... Почувствовал, что жжет, когда бежал с мешком. Подумал, что это шмель.

Вилья со смехом похлопал его по спине и подмигнул Гарсе:

– Не-ет, это пулька. Самая она. Скажи, Хено?

– Совершенно точно.

– И рядышком прошла. Вот что... Надо бы чем-нибудь прижечь или помазать. Йодом, не знаю, или сотолом, а то, чего доброго, нагноится.

К ним приблизились трое. Один, с индейским лицом, был тот самый Сармьенто. Как всегда, сумрачный и зловещий. Может быть, даже больше, чем всегда. Вилья, позабыв про Мартина, повернулся к новопривывшим:

– Только не говори мне, Сармьенто, что принес дурные вести. А то огорчу твою бабушку.

В голосе его зазвучала тревога: он словно по выражению лица Сармьенто почувствовал беду. Тот кивнул, подтверждая опасения:

– Золото исчезло, Панчо. Нас обули.

Вилья переменялся в лице:

– Ты шутить со мной вздумал, морда индейская?

– Разве за мной когда-нибудь водилось такое, сам скажи?

– Не припомню.

– То-то и оно.

Вилья замолчал, словно в удушье, хватая воздух ртом. Потом огладил усы и оглянулся по сторонам. Взялся за рукоятку револьвера, как будто искал, в кого бы еще пустить пулю.

– А охрана? Ты же говорил – надежные ребята, а?

– Вполне надежные. Но их перебили.

– Всех?

– Они попали в засаду на дороге... Шесть человек, шесть убитых. Перестреляли их из-за скал.

– А машина?

– Нашли в полумиле оттуда... Пустую. Еще следы лошадей или мулов, но те ли это следы или были оставлены раньше – не понять. Почва каменистая, отпечатков копыт мало.

– Вот же дьявольщина...

– Именно.

– Знаешь ли что – отправь-ка туда патруль из индейцев-яки. Лучших следопытов, какие только есть у нас.

– Уже сделано. Посмотрим, отыщут ли чего.

Обескураженный Вилья открыл было рот, будто хотел добавить что-то, но передумал. Вместо этого он вдруг с необычной для себя яростью схватил Сармьенто за руку и оттащил на несколько шагов в сторону. Ни Мартин, ни майор их разговор не слышали. Индеец же показал на Мартина. Раз, и другой, и третий – угрюмо и злобно, и лицо Вильи стало напряженным и суровым. Он подошел к инженеру и взглянул на него совсем не так, как раньше: от прежнего приветливого дружелюбия не осталось и следа. Не сводя с него недоверчивых глаз, он обратился к майору:

– Гачупин все время был при тебе?

– Не отходил ни на шаг и ни на миг, сеньор полковник, – ответил тот. – И я не спускал с него глаз.

– А как по-твоему, он...

Он осекся: обвинение не облеклось в слова, но движение руки, снова взявшейся за кобуру, было достаточно красноречиво. Майор убежденно помотал головой:

– Невозможно.

– Уверен?

Гарса спокойно выдержал пронизывающий взгляд Вильи. И решительно кивнул:

– Как в себе самом.

Лицо Вильи немного прояснилось. Он глубоко вздохнул в раздумье, а когда вновь перевел глаза на инженера, в них читалось сожаление.

– Скажи-ка, дружище, эта монетка еще при тебе? Ну, которую я дал тебе в «Банке Чиуауа»?

Мартин смущенно полез двумя пальцами в жилетный карман. Золотой «максимилиан» заиграл, заблестел, засверкал на солнце. Вилья взял монету в руки, повертел. Потом спрятал в собственный карман, под перекрестье почти опустевших патронташей.

– Ничего, если одолжу ненадолго, ладно? Я верну.

Инженер кивнул. Он не дорожил монетой. Его по-прежнему как будто несла волна этого приключения, где все казалось нереальным – все, кроме угрюмого угрожающего взгляда, который из-за спины Вильи вонзил в него Сармьенто.

Он спускался по лестнице, чувствуя себя другим человеком – прилично одетым, с только что вычищенной шляпой в руках, с влажными после долгой горячей ванны волосами. Те полчаса, которые он неподвижно провел в пару, не только смыли с него землю, пот, грязь, скопившиеся за последние двое суток, но и сняли напряжение с тела и души. Так, должно быть,

чувствует себя моряк, переживший шторм, когда возвращается в порт и, ступив на твердую землю, по-иному видит и оценивает ветер, волны и брызги пены, оставленные позади.

Странно вспоминать все произошедшее, подумал он. Вглядываться в себя и благодаря расстоянию, размышлению и некоторому остоленению видеть все в новом свете. Молодой человек, который несколько минут назад завязывал перед зеркалом галстук под воротником свежей сорочки, был не похож на того, каким помнил себя. Изменила в нем что-то и ранка на правой скуле. Он отмечал перемены, глядя на свое похудевшее, опаленное солнцем лицо, на ввалившиеся щеки, на появившиеся в углах глаз мелкие морщинки. Карие глаза смотрели по-другому – тверже и, подернувшись пеленой усталости, тусклее. Они видели такое, чего прежде и вообразить себе не мог их обладатель. Этим глазам, думал он, глядясь в свое отражение, за десять, за двадцать лет жизни, а может быть, и за целую жизнь не увидит бы того, что предстало им в неполные двое суток. И Мартин Гаррет, скользя рукой по перилам лестницы в отеле «Монте-Карло», отчетливо сознавал, что теперь, обнаружив, с какой легкостью мир этот разбивается вдребезги, никогда уж не увидит его прежним. Но это открытие не слишком огорчило его – скорее напротив. Ум, вышколенный и обостренный образованием и привычкой к научному подходу, побуждал его двигаться дальше, требовал расшифровать потаенный смысл того, что изумленный Мартин наитием ощущал в революции и войне.

Война и победоносная революция уже нагрянули и сюда, в отель. Персонал с испугом и тревогой наблюдал за инсургентами, расположившимися на первом этаже. Портье забаррикадировался за стойкой, коридорные пребывали в растерянности, а управляющий просто исчез. Победители полновластными хозяевами заняли гостинные и игорный салон: грязные, обросшие – кое у кого на груди все еще перекрещивались патронташи, – они разваливались на диванах и в креслах, спали прямо на коврах, играли в карты на ломберных столах, теперь прожженных сигарами и покрытых пятнами от еды. В отеле стало дымно и шумно: звучали громкие голоса, шуршали сандалии, звякали по паркету шпоры. К стенам, к мебели, к бильiardному столу были прислонены карабины, а из сорванных штор инсургенты сделали попоны для своих коней. Тем не менее неукоснительно поддерживалась строжайшая дисциплина. Никто не пил спиртное, а в закрытом баре, прислонясь к стойке, стоял часовой с винтовкой наперевес. То же самое происходило и в других отелях: и в «Порфирио Диасе», которому, разумеется, недолго оставалось носить свое имя, и в «Мексике». Генерал Ороско и полковник Вилья по-прежнему считали расстрел лучшим средством для борьбы с пьянством.

Хеновево Гарса ждал Мартина в кресле недалеко от входа: положив карабин на пол, вытянув ноги и закрыв лицо шляпой, он, казалось, дремал. Инженер хотел уж было подойти, но тут заметил Диану Палмер. Американка в том же сером клетчатом костюме и с той же кожаной сумкой через плечо, что и накануне, только что вошла в отель и стояла перед стойкой, пытаясь получить номер. Усталая, вся в поту и пыли, она спорила с портье, клявшимся, что свободных номеров нет.

– Я заплачу, сколько скажете! – настаивала она. – Мне необходимы чистая постель и горячая ванна.

– Невозможно, сеньора. Отель переполнен. Невозможно.

Мартин решил вмешаться. Он хорошо знал этого портье – маленького, неряшливого и падкого на деньги мексиканца – и щедрыми чаевыми завоевал его симпатии.

– Пабло... – сказал он. – Уверен, ты сумеешь уладить это дело.

Портье уклончиво пожал плечами.

– Трудно, сеньор Гаррет. У нас тут творится сущий бедлам, половина персонала не вышла на работу... – Он незаметно показал на инсургентов. – А эти... кабальеро беспрестанно требуют того, чем я не располагаю.

При слове «кабальеро» он понизил голос, и было видно, что у него язык не поворачивается называть их так. Мартин улыбнулся:

– Эта дама – известная журналистка, и ее лично рекомендует дон Франсиско Мадеро.

– Именно так, – сказала она и достала из кармана вдвое сложенный листок.

Портье прочел документ. И в задумчивости почесал щеку.

– Ну, может быть, часа через два я и смогу вас устроить.

Мартин пожал ему руку, незаметно всунув при этом в ладонь две бумажки по десять песо.

– Надеюсь, еще до вечера?

– Постараюсь. Сделаю, что смогу.

– Знаю, что сможешь. Нельзя же разочаровывать даму.

С ловкостью фокусника портье спрятал деньги.

– Всегда к вашим услугам, сеньор Гаррет.

Мартин обернулся к женщине, которую явно позабавили его маневры. Она смотрела на него пристально, как вчера вечером и ночью. От ее оценивающего внимания не укрылась и царапина на скуле. И кажется, теперь она поставила Мартину оценку повыше прежней.

– Я смотрю, вы здесь освоились.

Инженер поглядел на улицу:

– Где ваш друг?

– Какой друг?

– Гринго. Этот самый Логан.

– А-а, не знаю... Где-то здесь. Но его нельзя назвать моим другом.

Она произнесла это небрежно, почти безразлично. Мартин показал на лестницу:

– Пока вас не заселили, могу предложить свой номер. Там сможете привести себя в порядок и отдохнуть.

– Вы это серьезно?

– Разумеется.

– А что это у вас на лице? Что случилось?

Мартин дотронулся до ранки, смазанной йодом. Подруга майора Гарсы суровой ниткой зашила ему рассеченную скулу.

– Да так, пустяки.

– Рассказывают, будто вы сделали нечто немыслимое, и сделали превосходно.

Он ничего не ответил. Диана окинула его долгим задумчивым взглядом и наконец сказала:

– Мне в самом деле надо принять ванну. Вижу, вы-то уже успели.

– Должен извиниться. В номере есть ванна, но воду еще не успели сменить. Сейчас попрошу напустить чистой и горячей.

– Буду вам очень благодарна, – со вздохом сказала она.

Он хотел было взять ее сумку, но журналистка опередила его:

– Нет-нет, я сама.

Они поднялись по лестнице, остановились перед дверью номера. Мартин сунул ключ в замочную скважину, повернул.

– Виноват... Еще минутку.

Диана осталась на пороге, а он шагнул вперед, проверяя, все ли в порядке. Натянул покрывало на разобранную постель, оставил окно открытым, не стал трогать ни влажные полотенца, висевшие на сушилке возле фаянсового умывального таза, ни зеркало и умывальные принадлежности. Сунул в шкаф грязный воротничок сорочки, забытый на бюро, и, в последний раз обведя комнату взглядом, повернулся к Диане:

– Теперь – прошу.

Она переступила порог неторопливо и уверенно, спокойно огляделась. Было ясно, что ей не впервой бывать в номере, где живет мужчина. Прошла так близко к Мартину, что едва не коснулась его, а он ощутил исходящий от нее смешанный запах земли и пота – но иной,

не такой, которым были пропитаны люди, окружавшие его последние дни. Резкий, но неопределенный, сочетающий в себе несколько несовместимых оттенков, непреложно свидетельствовавший, как остро нуждается утомленная женская плоть в омовении, и, несмотря на это – а может быть, благодаря этому, – смутно притягательный. Ничего подобного Мартину до сих пор чувствовать не доводилось. И, ощутив неуместный прилив вожделения, животного и слепого, он покраснел, потому что Диана Палмер, кажется, заметила это, и в любопытстве, с которым она взглянула на инженера, появилось нечто новое. Какая-то неожиданная и глубокая серьезность. Когда же ее глаза остановились на оцинкованной ванне под окном, еще заполненной мыльной серой водой, Мартин покраснел еще сильнее.

– Сейчас я распоряжусь... – повторил он. – Минутное дело.

В ответ по ее четко и твердо очерченному лицу скользнуло подобие улыбки; Диана поставила сумку на пол, у выглядывавших из-под подола сапог, покрытых пылью и засохшей грязью. От яркого света, лившегося в открытое окно, вспыхивавшего на стеклах, в ее глазах цвета корицы снова заматались золотисто-соломенные искорки.

– Спасибо, – сказала она.

Потом вытащила шпильки, и волосы рассыпались по плечам. Она стала выглядеть моложе – так, по крайней мере, показалось Мартину. Не столь неприступной, непроницаемой и самоуверенной. Он положил ключ на бюро и двинулся к двери.

– Не за что... Думаю, ваш номер скоро будет готов. А до тех пор чувствуйте себя здесь как дома.

– Спасибо, – повторила она.

Потом повернулась к зеркалу и принялась расстегивать пуговицы на жакете так, словно уже осталась в одиночестве. Мартин вышел в коридор и прикрыл за собой дверь.

Проспект 16 Сентября был заполнен мадеристами. Повсюду, насколько хватало глаз, виднелись лошади, разнообразное оружие, шляпы с широкими и узкими полями, просторные белые одеяния пеонов, выпцветшая серо-сизая парусина на плечах рабочих и путейцев, бурые и желтые куцые куртки фермеров. Грязное и свирепое людское море накатывало прибоем: мадеристы отдыхали, прислонясь к стенам, вступали в разговоры с теми жильцами, кому хватило смелости высунуть нос на улицу, глазели на закрытые двери лавок и таверн.

Мартин снова убедился, что дисциплина остается на высоте, а грабеж – в пределах разумного: если не считать пожара на почтамте да разгромленных магазинов «Кетельсен & Дегетау», торговавших скобяными товарами и оружием, лишь несколько съестных лавок подверглись нападению алчных маркитанток-солдадер, которые шли за войском с узлами и с детьми за спиной, а теперь прямо на улицах раскладывали сковороды, жаровни и котлы, готовясь кормить своих мужчин. И в окнах большой аптеки на углу проспекта Хуареса не осталось ни одного целого стекла, дверь была высажена, и мадеристы выносили на улицу бинты, лекарства и склянки с йодом.

– Гляди, инженер. – Хеновево Гарса стволом карабина показал на длинную вереницу федералов, под конвоем инсургентов тянувшуюся по проспекту. – Как они тебе? Как гвоздили нас, помнишь? А вот так, вблизи, да когда хвост прищемили, выглядят не так браво.

– Что с ними будет?

– А сам не знаешь? Те, которые мобилизованные – мы их зовем «хуанами» или «плешивыми», – могут по желанию записаться к нам. В конце концов, какой спрос с бедолаг, которых выпустили из тюрем или силком взяли в амию.

Мартин сочувственно рассматривал этих низкорослых парнишек со смуглыми индейскими лицами в пыли и копоти. Кое-кто хромал, опираясь на товарищей.

– А остальных?

– Остальные... Знаешь, небось, и про остальных. Как ни крути, а ведь это они и начальство ихнее отнимают у наших бедняков свиней и кур, жгут наши дома, уводят наших жен... Миндальничать с ними не станем и возвращать их правительству, чтобы оно снова послало их в бой, – тоже. Разве я не прав?

У центральной таможни они встретили Тома Логана. Американец, сидевший в тени среди мадеристов, при виде майора с Мартином встал и пошел им навстречу. С «ремингтоном» в одной руке, с ломтем сушеного мяса, от которого он время от времени откусывал, – в другой.

– Слыхали про генерала Наварро? – спросил он.

И, услышав отрицательный ответ, начал рассказывать. Прошел слух, будто начальник гарнизона со своими последними людьми – их человек пятьсот – сдался, предварительно выдвинув условия, а среди них такое: сохранить жизнь всем, в том числе офицерам и сержантам. Передают еще, что Франсиско Мадеро условия эти принял, чем навлек на себя ярость генерала Ороско и полковника Вильи, у которых были свои счеты с Наварро, приказавшим не так давно расстрелять в Серро-Прието их людей.

– Ладно, там видно будет, – заметно помрачнев, сказал Гарса.

Логан с интересом взглянул на Мартина:

– Диану видели? Я ее оставил у дверей того же отеля, где вы живете.

– Видел. Она там.

– А не знаете, удалось ей номер снять?

– Кажется, удалось.

Логан прожевал последний кусок и поковырял ногтем в зубах.

– Примечательная дамочка, а? Вроде бы она сама настояла, чтобы «Нью-Йорк ивнинг джорнал» отправил ее сюда. Что называется, не робкого десятка. И вчера, и сегодня стояла под пулями.

– А вы? – осведомился Мартин.

– А что я?

– Вы, американец, что тут делаете?

Логан удивленно склонил голову набок:

– Тот же вопрос могу задать и вам. Вы, испанец, что тут забыли?

– Сеньора инженера об этом попросили мы, – внес ясность майор. – И он согласился, с дорогой душой пошел, без возражений.

– Да что вы?

– Точно вам говорю. В динамите разбирается лучше всякого сапера.

– А-а.

Они двинулись дальше. Гарса подмигнул Мартину, показав на Логана:

– А этот гринго – бог по части пулеметов.

Логан улыбнулся и взял ружье на плечо. Из-под опущенного поля шляпы сталью поблескивали серые глаза, отливали красным рыжеватые бакенбарды.

– Обожаю возиться с ними, чинить, если вдруг что не так... Когда мы воевали с Испанией, лежал за «гатлингом».

Мартин взглянул на него новыми глазами:

– Были на Кубе?

– В Пуэрто-Рико, на холмах Сан-Хуана... Ваши земляки отбивались отчаянно. Я с тех пор зауважал испанцев.

При этих словах майор Гарса рассмеялся сквозь зубы:

– Вот что я тебе скажу... Инженера вот, хоть он по виду еще мальчишка, здесь всякий уважает. – Он ласково хлопнул Мартина по плечу. – Он заслужил себе право зваться мужчиной.

Перед центральной таможней бурлила толпа, в толчее мелькали сосредоточенные лица, гудели голоса. Толпа инсургентов не сводила глаз с дверей, где стояли на карауле люди из личной охраны Франсиско Мадеро. Майор локтями проложил себе путь к крыльцу в тот самый миг, когда в дверях, позванивая шпорами, появился полковник Вилья и несколько его штабных. Он был не при параде – в запыленных кожаных гетрах, с револьвером у бедра. Шагал широко, сомбреро надвинул на глаза и тер ладонью мрачное лицо. И явно сдерживал ярость. При виде Гарсы остановился:

– Здорово... Далеко собрался?

– Да вот, сопровождаю инженера, сеньор полковник.

Вилья даже не взглянул на Мартина.

– Инженеры мне сейчас до... одного места. А вот ты мне очень нужен.

– Что случилось?

– Что случилось, спрашиваешь? – Оглянувшись и увидев, что их обступили люди, он повысил голос: – Да у меня слов приличных нет, чтоб тебе объяснить! Генерал Наварро вышел сухим из воды, вот что случилось.

– То есть как?

– А вот так! Сеньор Мадеро переменял свое решение. Раньше обещал, что он выдаст мне этого убийцу, когда возьмем Сьюдад-Хуарес. И мы его взяли! А теперь сеньор Мадеро заявляет, что это невозможно. Человечность и милосердие не дают, понимаешь ли!

– А что говорит генерал Ороско?

– Он принял сторону Мадеро и всей этой звездобратии, которая вокруг него вьется и именуется его правительством: всей этой швали, которая сидит, в потолок поплеывает, пока мы там лоб под пули подставляем... И теперь твердит, что хлопнуть эту тварь паскудную, это потаскухино отродье будет политически неверно.

– Неверно?

– Так и говорят, всеми буквами! В общем, нам плюнули в душу, а меня учтиво послали... не скажу куда.

Собравшиеся вокруг инсургенты возмутились. Стали вспоминать, сколько народу казнил генерал Наварро, и, хлопая по прикладам своих винтовок, требовать, чтобы таможню сейчас же взяли штурмом, а Тигра Серро-Прието расстреляли безо всяких церемоний. Часовые в дверях начали тревожно переглядываться. Крик поднялся такой, что самому Вилье пришлось вскинуть руки и утихомиривать распаленную толпу.

– Спокойно, ребята, спокойно, – сказал он под конец. – Ступайте к бабам своим – у кого они есть, конечно. Ешьте и отдыхайте, вы это заслужили. И не волнуйтесь – все уладится, я вам обещаю.

Вилья, Гарса и Мартин в сопровождении Сармьенто и еще двоих двинулись прочь от таможни. Том Логан с «ремингтоном» на плече невозмутимо провожал их взглядом.

– Да вы бы видели этих мразей, – продолжал сетовать Вилья. – «Правительство демократической Мексики»! Сплошь, сплошь помещики да адвокаты... Ни одного бойца нет среди них, ни единого вояки! У них даже военный министр винтовку в руках не держал.

– Ну и что же нам делать, сеньор полковник? – осведомился Гарса.

– Я подал рапорт. Ухожу.

– То есть как это так – ухожу?

– А вот так, – мрачно подтвердил Сармьенто. – В отставку.

Вилья кивнул:

– Индеец сказал как. Уеду на свое ранчо в Сан-Андрес – и дело с концом.

– Ага... Поладили, значит?

– Не поладили, а нагадили. Мне в душу! Но сам знаешь – кулик в своем болоте велик. Бери десять тысяч песо – и ступай на все четыре стороны.

– Ай, мамочка моя... – протянул майор и растерянно заскреб в затылке. – А нам что делать?

– А вы поступаете в это... как его?... распоряжение Рауля Мадеро, президента брата... Теперь под его началом будете, и скажи спасибо, что не под концом.

– А если мы не желаем?

– А не желаете – валите домой, к свиньям своим... Заметь, я не сказал «к свиньям соба-чым». Тебе тоже выплатят сколько-то, мы ведь за это бились, верно?

– А революция-то, сеньор полковник?

Вилья полуобернулся и взглянул на здание таможни.

– По словам господ, которые там сидят, революция уже совершилась. И они уже видят себя в столице. По всему судя, теперь, когда Сьюдад-Хуарес взят, старику Порфирио скоро крышка. И теперь все изменится. Так они говорят, хотя я лично особых перемен пока не наблюдаю.

Гарса понуро покачал головой. Шляпу он снял, и на ярком солнце шрам вдоль щеки казался глубже. Потом майор с опаской взглянул на Сармьенто:

– Индеец тоже остается?

– Нет, со мной поедет. Охранять будет.

– А я, сеньор полковник?

Сказано было так безнадежно и горестно, что Вилья ободряюще улыбнулся:

– В самом скором времени – все, что тебе заблагорассудится, но пока, в настоящую минуту, продолжаешь выполнять приказы. Не можем же мы все разом взять и отвалить.

– Послушай, Панчо...

– Ну что еще, дружище? И брось ты этот похоронный тон.

Мартин не пропустил мимо ушей ни внезапный переход на «ты», ни неуставное обращение по имени, а не по званию. Хеновево Гарса еще ниже опустил голову, разглядывая свои запыленные сапоги. Было видно, что ему трудно выговорить то, что он произнес:

– Мы ведь с тобой вместе хрен знает сколько времени... С тех пор, как поступили в руралес в Сьерра-Асуль, так ведь?

– Так, Хено, все так.

– Прежде, чем ввязались в нынешние дела... Когда нас называли просто бандитами...

– Истинная правда. И что с того?

Майор больше не проронил ни звука. Он по-прежнему созерцал носки сапог, и лицо у него было страдальческое. Вилья обхватил его за плечи, крепко обнял. Дон Франсиско Мадеро, сказал он, человек порядочный. Но кое-чего не видит.

– Чересчур он добросердечен. Понимаешь, брат, о чем я? Если я уйду, разве можно оставить его одного в когтях Ороско и прочего воронья? Среди этих ненасытных стервятников? Надо, чтобы рядом с ним были хорошие люди, надежные люди. Испытанные революционеры навряд тебя.

– Сармьенто же ты забираешь с собой?

– Забираю, потому что тебе доверяю больше, чем этому головорезу, который без моего пригляда свернет не на ту дорожку и пойдет крошить не тех, кого надо. Пока он рядом, я за ним присмотрю. – Он мрачно улыбнулся индейцу. – И потом, у нас обоих есть одно незаконченное дельце.

Вилья, словно собственные слова напомнили ему о Мартине, внимательно посмотрел на него. Оглядел с ног до головы, и улыбка его стала злорадной.

– Кстати, сеньор гачупин... Вижу, вы помылись и причесались, однако, по нашему плану, боюсь, придется вам опять перепачкаться.

– О чем вы, сеньор полковник? – удивился Мартин.

– Революция по-прежнему может на вас рассчитывать?

– Не знаю, право... – с запинкой, смущенно ответил инженер. – Майор Гарса... Ну, если он остается...

– Правильно ли я понял, что тогда и вы останетесь?

– Пока да... Я так думаю...

Вилья расхохотался. Этот бывший бандит всегда смеется так, вспомнил Мартин. Громко, звонко, жизнерадостно. Все в этом человеке чрезмерно – и ярость, и благодушие.

– Договорились, дружище Хено? Всегда будете вместе и рядышком? – Он подмигнул Мартину. – Надеюсь, твоя Макловия не приревнует: она ведь в гневе страшна, как пантера.

От сдержанной улыбки лицо майора просветлело. Он тряхнул головой, возвращаясь к доброму расположению духа и к субординации.

– Не смейтесь, сеньор полковник.

– Так где же мне придется испачкаться? – настойчиво спросил Мартин.

Вилья пожал плечами, показал куда-то на юг:

– Говорят, федералы готовят контрнаступление. Телеграфисты сообщили, что в Хуарес движется эшелон со свежими войсками. А в местечке под названием Монаший Бугор его можно придержать.

– Знаю это место, – сказал майор. – Милях в восьми отсюда; железнодорожный мост там перекинут через глубокую лощину.

– Именно так... И нашего гачупина мы попросим пустить его под откос.

Вилья вдруг замолчал и указательным пальцем прикоснулся к груди Мартина на уровне сердца.

– Только имей в виду, дружок... – добавил он. – Попадешься федералам раньше, чем справишься с поездом, они с тебя заживо шкуру сдерут.

– Постараюсь не попасться.

– И правильно. Сейчас тебе всё растолкуют. Получишь подробные конст... нет, инструкции. А теперь вот такой к тебе вопрос. Слушай, чего ты ввязался в это дело? Тебе вроде бы надо быть с теми, кто вверху, а не с нами.

Мартин медлил с ответом. На этот вопрос ему по-прежнему нелегко было ответить. Даже себе.

– Сам не знаю, – выговорил он наконец. – Я уж объяснял вчера: шахты закрылись.

– А любопытство, о котором ты толковал, не унялось, значит?

– Еще не вполне.

Вилья уже собирался продолжить путь, но Мартин не тронулся с места. Он продолжал искать ответ.

– И, кроме того, иногда, – добавил он, – те, что внизу, мне как-то ближе.

– Только иногда?

– Часто.

Довольный Вилья одобрил ответ:

– Вот это ты верно сказал, дружище.

– Спасибо.

Полковник, сунув большие пальцы за ремень с кобурой, всматривался в инженера.

– То есть так надо понимать: тебе нравится, что ввязался в драку?

– Нравится... – почти застенчиво ответил Мартин. – Да, пожалуй, нравится.

– Когда бьешься за правое дело, за народ, чувствуешь себя честным, чистым, а? Верно?

И настоящим мужчиной. А?

– Может быть.

– А скажи-ка еще вот что: каковы мы, на твой испанский взгляд? Умеем умирать?

Мартин немного подумал и сказал:

– Обижать мексиканца – не только несправедливо, но и опасно.

– Хорошо сказано.

– Да, вы умеете драться. Вы люди жестокие и нежные одновременно.

Вилья опять расхохотался:

– Нежные? Да неужто?! Неужто мы все так уже обабились? – Он взглянул на Гарсу. – А я тебе говорил, майор: когда спишь – задницу не выставляй, а то, не ровен час, кто прельстится.

Мартин продолжал смотреть на него. И по непонятной причине чувствовал себя гораздо уверенней, чем раньше. Откуда-то взялась отвага, граничащая с дерзостью.

– Позвольте спросить, сеньор полковник?

– Разумеется. Валяй, спрашивай.

– Известно ли что о пропавшем грузе?

Вилья изменился в лице. Кофейного цвета глаза сузились, в них появилось недоверие.

– А тебе-то что до этого?

– Да ничего, на самом деле... Но это золото ведь тоже разжигает мое любопытство. В конце концов, это я помог его добыть.

– Любопытство – прямая дорожка в могилу, – вмешался Сармьенто.

Он сказал это негромко, сквозь зубы. Мартин взглянул в бесстрастное индейское лицо. И такое бесстрашие пугало сильнее, чем злобная гримаса или неприкрытая словесная угроза. Вилья же как будто уже остыл.

– Ничего не знаю, – сказал он спокойно. – А знал бы, кто это постарался, я бы его на месте убил. Его или их.

Он повернулся, собираясь продолжить путь, и вдруг ощупал карман:

– Я, сеньор испанец, не забыл, что должен вам золотой... Он не пропадет, как пропало все остальное. Так что постарайтесь дожить – и получите его. Если встретимся.

– И если раньше не убьют, – добавил Сармьенто.

Вилья снова захохотал, зычно и грубо:

– Это уж само собой. Если дружка нашего раньше не убьют.

4

Монаший Бугор

Было холодно. В свете звезд вырисовывались очертания домов, в темноте подрагивали красноватые блики костров. Их было так много, что они заполняли все пространство от Миссии Гваделупе до таможни и даже за ней. Весь проспект 16 Сентября превратился в огромный бивак, где стали лагерем мадеристы. Шел одиннадцатый час, и в воздухе еще витали запахи горящего хвороста, жареного мяса и фасоли, кофе, приправленного цедрой, корицей, гвоздикой. Сотни едва различимых фигур лежали у стен и в подъездах, сидели вокруг костров или медленно бродили между ними. Почти все это призрачное воинство хранило молчание, изредка нарушаемое негромким журчанием разговоров, ржанием привязанных лошадей, песней, которую заводил чей-то далекий мужской голос и время от времени с разных сторон подхватывали хором:

Охмурыл, просил и кланчил...
Наконец достал пятак...
А могла б меня уважить,
Между прочим, и за так!

Мартин Гаррет, набросив на плечи одеяло, наблюдал за всем этим из дверей отеля «Монте-Карло», вдыхал этот аромат приключения, круживший ему голову, сладостно томивший душу. Многообразные ощущения и чувства хаотично пересекались и скрещивались, прогоняли сон. И потому, хотя он очень устал за два последних дня, а завтрашний день обещал быть еще утомительней, инженер сидел, привалившись спиной к колонне портика, всматривался и вслушивался в эту странную ночь. Думал о том, что нынешняя его жизнь двусмысленна, а будущая неведома, и удивлялся, что нет в душе ни тревоги, ни страха. Последние сорок часов он несся в каком-то безграничном пространстве, и открывавшийся ему необозримый ландшафт не вселял беспокойства, а подстегивал и звал вперед. Нечто подобное ему приходилось читать в романах и в описаниях путешествий, но он и представить себе не мог, что переживет это наяву. Сейчас он будто парил во времени и пространстве, перестал понимать смысл и значение прошлого и будущего, утратил осознание их важности, обретая взамен диковинное спокойствие, словно порожденное действием мягкого наркотика. Быть может, таков и есть мой истинный характер, отметил он с удивлением. Мое призвание. Мое желание жить в приключении, которое происходит в бесконечно длящемся настоящем. А я до сих пор этого и не знал.

Он почувствовал запах хорошего табака, шорох ткани у себя за спиной, стук сапог по дощатому полу и, обернувшись, едва узнал в полутьме Диану Палмер. Американка остановилась рядом: Мартин разглядел, что волосы у нее распущены и покрыты шерстяной косынкой. В пальцах мерцал огонек сигары.

– Какой необычный город, – пробормотала она.

Сказано это было не Мартину, а как бы про себя. И он ничего не ответил. Созерцая красные точки костров, оба молчали.

– Ну, как ваш номер? – наконец осведомился он.

– А-а, прекрасный. Чуть поменьше вашего, но вполне достаточный. Ваш приятель Пабло расстарался.

Снова повисло молчание. Вдалеке вместе с последним гитарным перебором замирала песня.

- В котором часу отправляетесь на юг?
- Кто? – почти удивился Мартин.
- Не валяйте дурака. Вы и те, кому поручен федеральный эшелон. Он снова взглянул на нее. На этот раз недоверчиво.
- Что вам известно об этом?
- Достаточно. Узнавать – это часть моей работы. И я попросила отправить меня с вами.
- Вряд ли вам разрешат. Это ведь...
- Не будьте столь категоричны, – перебила она не без яду. – Днем я обратилась к сеньору

Мадеро, и он сказал «может быть».

Мартин обдумал услышанное. И решил: «Да мне-то что?»

- Выходим мы рано, на рассвете.
- Тому Логану поручено оповестить меня, если разрешение будет получено вовремя.
- А если не будет?
- Значит, останусь здесь, займусь другими делами. Материала у меня довольно.
- А вы уже отправили репортаж в свою газету?
- Да, еще днем, из Эль-Пасо. Под заголовком «Революционеры берут Сьюдад-Хуарес».

Огонек разгорался, когда она подносила сигару к губам. Не нравятся мне курящие женщины, подумал Мартин. Порядочная дама никогда не станет курить. Курят авантюристки и женщины легкого поведения.

- А вы не курите? – спросила она, будто прочитав его мысли.
- Не люблю.
- Правильно делаете. Зубы всегда будут белые и красивые.

Мартин мысленно поморщился, на миг представив, как целует ее и чувствует табачный перегар. Полутьма скрывала лицо Дианы, но он вспомнил соблазнительность ее губ, которой не мешал, а может, и способствовал их твердый очерк. Эту жесткую складку, эту обескураживающую строгость, столь несвойственную другим знакомым ему женщинам.

Раскаленный уголек сигары снова замерцал ярче.

- Можно вас называть просто Мартином?
- Сделайте одолжение.
- Вы спать не хотите, Мартин? Завтра, наверно, снова будет трудный день.
- Нет, – качнул он головой, как мальчик, избегающий лишних расспросов. – Все это так...
- Необычно?

Он взглянул на нее с легким удивлением:

- И для вас тоже?
- Я уже давно в журналистике, много ездила по свету, много видела и делала такого, что волнует. Но на войне я впервые.
- И я, – признался Мартин.
- Да? Но о вас рассказывают такое, что можно подумать, вы уже бывали на войне. Да еще эта рана...

Мартин ничего не ответил на это. Он смотрел на россыпь костров в темноте. Помолчав, женщина заговорила снова:

- Война не такая, как описывают в романах. Это не гром духовых оркестров и не монументы на площадях, правда ведь? Это кровь и трупы.
- Вам она видится так?
- Наверно. А вам – как?

Мартин помолчал немного.

– Жужжание мух и вонь, – сказал он наконец. – Вот эта смесь грязи и гари. – Он прикоснулся к своему носу, а потом к одежде. – Въедается намертво: кажется, что ничем не избавиться.

– Да, вы правы.

Мимо отеля проехали несколько безмолвных всадников – слышно было лишь, как цокают копыта. В свете костров на фоне звездного неба вырисовывались широкополые шляпы и длинные стволы винтовок.

– А о них вы что думаете? – спросила Диана.

На этот вопрос Мартину ответить было нетрудно:

– Люди простодушные и храбрые – так бы я сказал. Они трогательны даже в своем зверстве.

Ему почудилось, что она вздохнула, – интересно, что вызвало такой отклик. В полутьме снова разгорелся красный уголек сигары.

– Как вы считаете, добьются они своего? Свободы, я хочу сказать?

– Я не ясновидящий, – ответил он. – Но они ее заслуживают.

– Я разговаривала с их лидерами – с Мадеро и прочими. Они произносят правильные слова, у них самые добрые намерения, но я не уверена, что их цели вполне совпадают с целями народа, который они представляют. – Она помолчала, будто подыскивая доводы. – Вы, я думаю, читали книги по истории?

– Не много. Предпочитаю техническую литературу и легкие романы – Дюма, Жюль Верн, Бласко Ибаньес... В этом роде.

– А этот... «Анабасис», что я видела у вас в номере? Вам нравится еще и античная классика? Ксенофонт?

– Пока не знаю. Только начал читать.

– А почему взялись за нее?

– Просто под руку попала. Там, в управлении шахты, где я работаю.

И услышал негромкий смех.

– *Таласса, таласса...* Это хорошая история – десять тысяч греческих наемников, окруженных неприятелем, ищут море, чтобы вернуться домой.

– До этой главы я еще не добрался.

– Доберетесь. Рано или поздно мы все там будем.

По взаимному молчаливому согласию они решили прогуляться: отошли от отеля и двинулись по улице, ведущей к таможне. Когда проходили мимо костров, на их лица ложился красноватый отблеск пламени. Мужчины и женщины, сидевшие вокруг, поднимали головы, провожали их любопытными взглядами.

– История человечества изобилует подобными потрясениями, – говорила Диана. – Французская революция, американская Война за независимость, Парижская коммуна, политические бури в Европе... Героические трагедии, которые неизменно оканчивались нелепыми водевилями, а победителями неизменно выходили люди одного сорта. Мало кому удавалось остаться революционером, придя к власти.

– Может быть, здесь получится иначе, – возразил Мартин. – Мадеро вроде бы порядочный человек. Но Мексика...

Он осекся в сомнении, и Диана подхватила:

– Но Мексика, хотите вы сказать, – страна, где слишком вопиющее неравенство и сотнями лет живут впроголодь, а значит, здесь доминирует отчаяние?

– Трудно заставить этих людей смириться и безропотно жить по-прежнему, – как о чем-то вполне очевидном сказал Мартин.

Американка снова рассмеялась. На этот раз громче. И язвительней.

– Да уж не поборник ли вы социалистических идей?

– Нет-нет, – поспешил ответить Мартин. – Я принадлежу к той среде, где социализм не приемлют.

– Из тех, кто сверху, как говорят здесь?

– Да нет, скорее из тех, кто посередке, но поднялся снизу.

– Вот как... Откуда же взялась в таком случае ваша убежденность?

– Сам не знаю. Но во всяком случае, это новая, недавняя вера. Раньше я так не думал.

Он замолчал, добросовестно припоминая. Сосредоточился и наконец прибавил с простодушной категоричностью:

– Нет.

– Вы о чем?

– О том, что нельзя ни во что не верить... Я уважаю этих людей. И мне хорошо среди них.

– И вы превратились в чистого практика революции? – Диану, судя по всему, забавлял этот разговор. – В человека инстинктов и действия, как Логан?

Сравнение не понравилось Мартину.

– Да нет, пожалуй, – сказал он с неожиданной холодностью. – Я далек от такого. Я влюбился в эту революцию и ее людей – а это нечто совсем иное.

– Влюбились?

Мартин снова подумал.

– Мне так кажется.

Снова послышался приглушенный смехок. Диана Палмер бросила на землю окурок и раздавила его подошвой.

– Ну и ну... – В голосе ее звучала насмешка. – А ведь всего несколько дней назад вы еще работали на своей шахте... Вы настолько влюбчивы?

От ближайшего костра их окликнули. Там, составив ружья и карабины в пирамиду, сидел Хеновево Гарса со своей Макловией Анхелес и еще несколько человек, мужчин и женщин. Они потеснились, освободив новопривывшим место у огня. Кое-кто мастерил ручные гранаты, заполняя круглые шары от кроватей и трубки обрезками гвоздей, шурупами и порохом. Этому, ко всеобщему восторгу, их недавно научил Мартин.

– Чего полуночникаешь, инженер? Тебе бы спать сейчас... Выходим рано, затемно.

– Да, сейчас пойду спать.

– Ты должен беречься. Ты нам нужен в полном порядке.

– Мы верхом поедем?.. Я не очень-то держусь в седле.

– Не беспокойся, у нас поезд есть – паровоз и два вагона с людьми и материалом.

Мартин показал на Диану Палмер:

– Сеньора вроде тоже с нами отправляется. По крайней мере, обращалась к начальству за разрешением...

– Ну, разрешат – так на здоровье. Вы ужинали? Может, кофейку?

Им протянули две выщербленные разномастные чашки. Мартин отпил из своей. Ароматный, крепкий кофе был обжигающе горяч.

– Очень вкусно.

– Это из лучших сортов, «Ла Негрита». Свежесмолотый. Моя Макловия разжилась в съестной лавке – она называется «У турка Хасана», ну, там, внизу.

– А я думала, грабить запрещено, – сказала Диана.

– Да разве ж это грабеж, сударыня моя? – Гарса улыбнулся, скрывая неловкость. – Революционерам, чтоб продолжать борьбу, тоже ведь есть-пить надо... И вот, примите в расчет, что сидим мы тут под открытым небом, а могли бы войти в дома да спать под крышей. Однако же мы уважаем закон. Разве не так?

Диана взглянула в непроницаемое лицо солдадеры.

– У вас так много женщин... Они тоже воюют?

– Скорее да, чем нет. Если подопрет – воюют, куда денешься... Тем более, что многие умеют дырять не хуже любой другой христианской души. Но сейчас в этом надобности нет. Сейчас этим занимаемся мы.

Макловия бесстрастно, словно речь шла не о ней, а о чем-то постороннем, собрала опустевшие чашки, налила в них кофе и передала их другим сидящим вокруг костра. Мартин заметил, что она сняла патронташи, прежде крест-накрест пересекавшие грудь ее белой и грязной блузы, но оставила кобуру на поясе. Пламя освещало ее твердое плоское лицо типичной северянки, толстую, смазанную жиром косу за спиной.

– Жизнь у них и так не сахар, не верьте тем, кто говорит иначе, – продолжал Гарса. – Им ведь надо и о еде позаботиться, и постирать-защитить, и таскать на горбу боеприпас и оружие, да мало ли чего еще... А многие и детишек за спиной носят... Навьючены иной раз, как мулы.

– И они при вас постоянно?

– Ну а как же? Кто ж обиходит человека лучше его законной? И счастье, что они есть у нас: повезло нам, можно сказать. Вы бы видели, как шли они сегодня за нами, когда в город входили, – с карабинами, кое-кто с пистолетами, и зыркают во все стороны: чего бы еще в торбы свои напихать. Им поперек дороги не становись – мать родную пришибут!

Майор обнял Макловию за плечи, нежно привлек к себе. Она осталась безучастна к этой ласке и продолжала следить за котелком на огне.

– А за федералами на войну тоже следуют женщины? – спросил Мартин.

– Да, и в немалом числе, но между вчера и сегодня, когда мы им накостыляли, не одна и не четыре остались вдовами... Теперь они тут, в нашем лагере, высматривают себе новых дружков. Ищут, кто бы их пригрел и оборонил.

– Неужели они так легко переходят на другую сторону? – удивилась Диана.

– Нет у них никакой стороны, сударыня моя. Мужчина есть мужчина, федерал он или наш, за революцию который. Однако с нами лучше, чем с ними. – Гарса потрепал Макловию по спине. – Так я говорю, моя ж ты королева?

Макловия Анхелес, на вкус Мартина, в королевы не годилась. И американка, судя по выражению ее лица, склонялась к тому же мнению.

– И ей тоже все равно, на чьей стороне быть? – спросила она.

– Ай, какая ж вы! Нет, моя чернушка из другого теста. У нее основания есть.

– А можно ли узнать, какие именно?

– Расскажи ей, Макловия. Не стесняйся.

Сольдадера подняла на Мартина большие темные глаза. Потом без большой охоты перевела их на журналистку. Глядела с сомнением, опасливо прикидывая, сумеет ли эта чужестранка понять ее.

– Я жила-поживала себе тихо-мирно в Касас-Грандес, – промолвила она наконец. – Пара коров, муж, двое детей... А однажды явились руралес правительственные.

Голос у нее, снова убедился Мартин, низкий, почти по-мужски хрипловатый. Глотка насыщена спиртом, табачным дымом, а может быть, и давними рыданиями. И не исключено – криками ненависти. Макловия замолчала, собирая чашки. Составила их вместе и медленно вытерла руки о подол широкой длинной юбки.

– А когда уехали, не было у меня уже ни мужа, ни детей, ни коров, ничего не было.

Стало тихо. Хеновево Гарса кивнул. Согласно и горделиво.

– Как познакомились, я помог ей отойти от всего этого. Я тогда воевал у Панчо Вильи и все искал того сержанта, который это сделал... Эпигменио Фуэнте тварь эту звали. И вот как-то вечером, быстро и тихо, накрыли мы его у дверей заведения и повели прогуляться.

– И она была при этом? – спросила Диана.

– Ясное дело, была. – Майор показал на женщину большим пальцем. – Она первая и веревку дернула, когда того гада мы стали вешать на акации, какая повыше. Не сробела, не хуже мужчины справилась. Верно я говорю, а, индианочка моя?

Макловия поднялась, взяла кувшин.

– Схожу за водой.

Сидевшие видели, как она будто растаяла во тьме между отблесками двух костров. Диана повернулась к Гарсе:

– Детей думаете заводить?

Тот пожал плечами:

– Зачем плодить невинных существ в нынешнем мире, где хлеба в обрез, зато пуль в избытке? Вот победит революция, будет у каждого всего вдоволь – тогда поглядим.

– А если вас убьют до того, как все кончится?

Гарса взглянул туда, где во тьме скрылась Макловия. И вдруг захохотал – смех его был резок, груб и начисто лишен всякого благодушия или надежды.

– Ох, да ну какое же мне тогда будет до этого дело?! Сами посудите... Пусть тогда решает. Ваша сестра всегда найдет с кем.

Рассвет они встретили в поезде, под небом с еще не померкшими звездами мчавшем их меж холмов туда, где горизонт из черного медленно становился лиловым. Тощие, дочерна загорелые люди, пристроив винтовки меж колен или повесив куда-нибудь, дремали и покачивались в полутьме в такт ходу эшелона, состоявшего из локомотива, обычного вагона и платформы. На ней, прицепленной к паровозу первой, сидело человек двадцать, и среди них Мартин, наблюдавший, как неспешно занимается утро. Стылый ночной воздух, рассекаемый стремительностью движения, делался еще холодней. Инженер кутался в одеяло, отверстием посередине превращенное в пончо, шурился, оберегая глаза от угольной пыли, которую нес с собой едкий дым. На поворотах видел, как отступает ночь перед темной громадой паровоза, как летят искры, когда открывают топку, чтобы подкинуть угля. От самого Сьюдад-Хуареса майор Гарса с револьвером на боку, с карабином в одной руке и кувшинчиком кофе в другой, не сводил глаз с кочегара и машиниста. Следил, чтобы не выкинули какой-нибудь фокус.

– Наверно, уже скоро приедем, – сказал Том Логан.

Он устроился рядом с Мартином, привалился спиной к борту полувагона. Самокрутку с марихуаной держал в горсти, чтобы ветер не разбрасывал искры или чтобы горело не слишком быстро.

– Надеюсь, – добавил он, – что федералы нас не опередят.

– Это мы скоро узнаем, – ответил Мартин.

– Хочется поглядеть, как ты закладываешь свой динамит. До сих пор не видал твою работу... *The show must go on*¹⁸, как говорят у нас. Увидим, такой ли ты великий специалист, как рассказывают.

По-испански он обращался к Мартину на «ты», хотя тот вроде бы не давал для этого повода. Мартин взглянул на закутанную в одеяло Диану Палмер, которая бесформенным кулем лежала у его ног среди тюков. В разрешении, подписанном Франсиско Мадеро, был указан и ее охранник Логан.

– Вы и вправду были в горах Сан-Хуана?

Он подчеркнул это «вы», но американец не обратил внимания и продолжал ему тыкать. Тем не менее, отметил Мартин, фразы он строил как человек, получивший какое-то образование. Не приграничная шваль.

---

¹⁸ Шоу должно продолжаться (англ.).

– Ну говорю же... Был, конечно. Участвовал во втором наступлении, когда этот фанфарон Рузвельт, шут гороховый, погнал нас вверх по склону, приговаривая, что дело в шляпе и к ночи возьмем Сан-Хуан. Однако наши «спрингфилды» оказались не так действенны, как маузеры испанцев, и твои соотечественники дали нам жару. Дрались как тигры, цеплялись за каждую пядь земли.

Логан замолчал. На фоне черных холмов, тянувшихся вдоль горизонта, в слабом свете зари вырисовывался его профиль. Американец наклонил голову, рассматривая женщину, спавшую в полумраке, как в норке.

– А после войны я уволился из армии и один сезон провел с техасскими рейнджерами. Но получилась там одна неувязочка, и пришлось мне уйти.

– Неувязочка?

Логан засмеялся сквозь зубы:

– Так изящней звучит.

– А-а, понимаю.

– Потом работал там и тут и повсюду, пока не узнал, что в Мексике заваривается серьезнейшая каша. Решил попытать счастья, перешел реку и, как выражаются мексиканцы, встрял... Сначала был с несколькими друзьями в Нижней Калифорнии, искал счастья со Стэнли Уильямсом и повстанцами Лейвы¹⁹. Люди более чем своеобразные.

– Наемники, – уточнил Мартин.

Логан снова рассмеялся:

– Ну, это можно сказать на тысячу ладов: волонтеры, искатели приключений, солдаты удачи... Здесь нас называют флибустьерами. Как бы то ни было, мне эта история не понравилась – слишком уж от нее разило социализмом. И тут судьба свела меня с Мадеро. Я дрался в Касас-Грандес, где федералы нам крепко всыпали, и на станции Бауче... Увидев, как я умею управляться с пулеметом, меня стали уважать несколько больше. Я отремонтировал парочку отбитых у федералов – и этого хватило. Ну и стреляю я недурно. Вот и все. И я перед тобой.

Он помолчал, затянулся самокруткой, по-прежнему пряча ее от ветра в кулаке.

– Как говаривали в старину, «я кормлюсь своей шпагой».

– Родом из Штатов?

– Из Ирландии. Из Монигалла, о котором я ничего не помню. В Америку меня привезли ребенком.

Поезд шел своим путем, вагон потряхивало, колеса постукивали на стыках рельс. Полоска света на горизонте становилась шире и, закрывая низкие звезды, меняла цвет с синевато-серого на бледно-оранжевый. Теперь уже можно было рассмотреть паровоз, хвостовой вагон и в вагоне головном – сгрудившихся среди тюков и мешков людей в пончо и сомбреро.

– А как ты с нею познакомился? – Мартин, смирившись с разговором на «ты», показал на Диану. – Как ты из пулеметчиков попал в сопровождающие американской журналистки?

– Ах, с ней... По чистой случайности, как и все в этом мире. Однако же поладили как нельзя лучше. Обещала помянуть меня в своих статьях.

– Кажется, она умеет добиваться своего.

– Четыре дня назад она явилась в главный штаб со своим всегдашним видом королевы, совершающей официальный визит, и с рекомендательными письмами. Ну и этот щеголеватый недомерок тотчас согласился.

– Какой недомерок?

---

¹⁹ *Хосе Мария Лейва* (1877–1956) – мексиканский военный, член Либеральной партии; в 1911 году с тридцатью повстанцами занял город Мехикали, с чего началась кампания по освобождению штата Нижняя Калифорния.

– Мадеро же! Самый главный. А меня, как единственного американца, приставили ее сопровождать, охранять и прочее. Мило, правда? Все почему-то уверились, что, раз мы соотечественники, а она женщина, приставленный будет вести себя как пристало джентльмену.

– И ты ведешь? И не пристаешь?

– К кому? Куда?

– Себя! К ней!

– А-а, ты вот о чем... – Логан немного подумал. – Джентльменство, дружище, – понятие относительное. А о прочем спроси ее самое, когда проснется.

Мартин взглянул на спящую Диану.

– Диковато, конечно, видеть тут женщину... Иностранку, я хочу сказать.

– Ну, эта женщина – особого сорта. Она трудностей не боится, привыкла колесить по свету и свои проблемы решать сама. Мисс Палмер, могу тебя заверить, не из монастырского пансиона вчера вышла.

– В любом случае это дело требует отваги, – с сомнением сказал Мартин. – Она ведь рискует нарваться на...

И осекся, не уточнив, что именно имел в виду. От картин, возникших в его воображении, он смутился.

– Это да, – убежденно согласился Логан. – Этим рискует. И многим другим тоже.

И замолчал, словно оценивая только что сказанное, а потом снова раскатился ехидным смешком, который Мартину слышать было почему-то неприятно:

– А ведь она недурна, согласись? Сухопарая, долговязая, но совсем даже недурна. Я был бы не против, чтоб она рискнула со мной.

Он открыл кожух подрывной машины – «Сименс-Хальске» в приличном состоянии, накануне захваченной у федералов, – подсоединил провода и повернул ключ, приводя в движение механизм. Триста метров телефонного кабеля вились по пересохшему дну оврага и были прикреплены к четырем зарядам динамита, установленным на центральных опорах моста.

– Готово, – сказал Мартин.

Он снял шляпу, рукавом утер пот со лба. В десять часов утра солнце, уже высоко поднявшееся по бесцветному и безоблачному небу, жгло остервенело; люди растирали в мокрых от пота ладонях землю, чтобы приклады не скользили; все короче делалась и без того скудная тень от нескольких высоких акаций, где в ветвях суеились сороки.

– Ну, дай нам Бог удачи, – ответил Хеновео Гарса.

Стоя на коленях, он очень внимательно всматривался в стальные и деревянные конструкции моста, в доступный взгляду отрезок железнодорожного полотна. В полукилометре позади майора прятался за склоном холма поезд, доставивший их сюда.

– Слышен уже, – добавил Гарса через мгновение.

Теперь и Мартин различил стук колес по стыкам и пыхтение, доносившиеся с другого конца котловины – приблизительно оттуда, где меж холмов уже начинал стелиться шлейф черного дыма.

– Чутьочку еще выжди, пусть на подъем пойдет, – в сотый раз повторил майор. – И тогда отправляй к дьяволовой матери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.